

Моя навсегда

Автор:

Татьяна Веденская

Моя навсегда

Татьяна Веденская

Позитивная проза

«Моя навсегда» – новый роман Татьяны Веденской, в котором совмещены захватывающе острый сюжет и взрывная история любви на грани фолла. Книга увлекает с первого слова и держит в напряжении до самого конца, предсказать который невозможно. Повороты сюжета станут неожиданными и затронут самые провокационные вопросы отношений. Главная героиня романа «Моя навсегда» – студентка Соня, юная, но весьма умная, наблюдательная девушка, мечтающая пробиться в жизни. Большая любовь станет для Сони настоящим испытанием, через которое она сможет ответить на вопрос, что же самое главное лично для нее. Тема жизненного успеха и настоящего счастья во многом в романе противопоставляются. «Люди – самое главное, что есть в этом мире, и, разбрасываясь ими, ты сам себя развеиваешь в пыль» – цитата, отражающая основную идею книги.

Татьяна Веденская

Моя навсегда

Особая благодарность Катюше Шуршаловой

за три недели драйва, за футбол и за море разговоров,

в ходе которых мы, кажется,

наконец разобрались в себе.

Или наоборот.

В каждом сердце скрыта слабость, а ты боишься признать свою.

Синий экзорцист (аниме)

Собственное бессилие так же опасно, как чужое насилие.

Станислав Ежи Лец

Все описанное ниже является фантазией

автора, а также его мнением о жизни, людях и всем остальном, включая отношения, ошибки и красное полусухое. Мнение читателя может как совпасть,

так и не совпасть с мнением автора.

К примеру, читатель может предпочитать белое сухое...

© Саенко Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Я бежала изо всех сил, бежала, как никогда в жизни, и, несмотря на то что умом понимала, что мне все равно не убежать, никаких шансов, инстинкт гнал меня вперед, подталкивал в спину, разгонял мышцы до спазма. Позади себя я слышала тяжелое дыхание. Мой преследователь не кричал, не делал лишних движений, он экономил силы. Раньше я не знала, что мое тело способно разогнаться до таких скоростей, не было необходимости дойти до предела и

прыгнуть, задыхаясь, дальше – за него.

Fight or Flight Response. Биться или бежать. Человечество возродилось из пепла эволюции, выиграло в тотальной смертельной битве всего со всем благодаря этому механизму выживания. Тело умнее разума, тело принимает решение раньше, чем успеваешь его осознать и согласиться с ним – или не согласиться. Зрачки расширяются, адреналин в крови обостряет реакции, ускоряет процесс обсчета и анализа данных. Биться или бежать? На принятие решения – буквально доли секунды. От правильности этого шага зависит, возможно, вся дальнейшая жизнь. Решение принимается интуитивно, без участия разума – на обдумывание, на высшую нервную деятельность нет времени. Влияют жизненный опыт, знание собственных возможностей, история предыдущих столкновений, предварительный прогноз обоих вариантов развития событий, перспективы и возможные риски, рост, вес противника, его физическая форма, его настроение – определить которое можно по выражению лица, по напряжению мускулов, по звуку голоса. Реже – по смыслу сказанного. По сжатым кулакам и зубам. Важны даже температура воздуха, время года, дополнительные факторы – местоположение, удаленность от города, близость помощи. Все будет учтено, на все уйдет только один вдох, доля секунды.

Бежать. Тело приняло решение бежать, и я присела, дернулась в сторону, прошмыгнула под тянувшейся ко мне рукой, мимо перекошенного от ярости лица. Неправильное решение, ошибка. Первая ошибка – убежать от мужчины, превосходящего тебя во всем. Выше, дальше, сильнее. Рост, вес, физическая подготовка. Даже обувь. У меня – дачные кроксы, у него – тяжелые кроссовки с рифленой подошвой. Ошибка номер два – направление. Я не выбирала его, побежала не куда-то, а прочь – от моего противника. Домик стоял почти в конце улицы, и я устремилась туда, где, как я надеялась, мне будет легче спрятаться. Бежать в лес, подальше от засыпающих дач, в густую вязкую темноту было равносильно тому, чтобы саму себя затащить в темный подвал и отдаться в руки преследователя. Но изменить я уже ничего не могла.

Расстояние сокращалось. Легкие разрывало от лишней крови, которую сердце в панике разгоняло по венам. Щеки горели, я хрипела и кашляла и каждую секунду боялась упасть. Координация – мое слабое место. Я не тренировалась, я вообще не слишком спортивна, хотя и пыталась с некоторой периодичностью как бы заняться собой. Как бы начать ходить в бассейн, как бы записаться на йогу, как бы начать бегать по утрам.

Вечер. Поздно и темно, дачное товарищество уже спит, за исключением кого-то вдали, на другом конце поселка – там веселятся и горланят песни, голоса слышны как сквозь вату. Закричать? Услышат? У меня не хватает дыхания на крик, я вся сконцентрирована в кончиках ступней, бегу по тропинке, перепрыгивая корни деревьев, в ушах пульсирует. Заколдованный лес, спаси меня! Враг мой, защити меня от него, подставь ему подножку, надавай ему пощечин еловыми ветками, останови!

Мой враг приехал неожиданно, без предупреждения, приехал, чтобы поймать меня с поличным. Когда дверь открылась, я сразу поняла, что человек уже обернулся волком и теперь жаждет крови. Бессмысленно теперь искать аргументы и взывать к здравому смыслу. Я никогда не знала, какое событие превратит его в чудовище и в какой момент, но хорошо знала, что рано или поздно это обязательно произойдет. Нельзя победить, если играть в игру, правил которой не знаешь. К людям не прилагается инструкция, нет даже описания, но и выйти из игры совсем не так просто. Насколько хрупка человеческая жизнь? Грань в один шаг, в один вдох, в один удар сердца.

– Стой, тварь, – услышала я близко, почти рядом, куда ближе, чем я надеялась.

Его рука скользнула по моей футболке. Я взвизгнула и заорала из последних сил. Станный пронзительный визг, так, наверное, и рождаются легенды про крик чупакабры. Я дернулась всем телом, изогнулась и рванула вперед с утроенной силой. Я и не представляла себе, что мои силы еще могут утроиться.

Не помогло. Еще три шага – и враг наскочил на меня всем телом, повалил на землю, прижал лицом к крючковатым корням, перерывшим землю. Я судорожно вдохнула запах земли и листьев: вкусно пахло ночной влагой и немного черникой. Я пыталась оттолкнуться от земли ладонями, толкала тело вверх даже не для того, чтобы избавиться от поймавшего меня в силки хищника, но чтобы заполнить легкие воздухом. Дышать, хотя бы дай мне дышать!

– Думала убежать? От меня убежать? Совсем не соображаешь, да? Думала, можно натворить дел и убежать? – продолжал повторять он с каким-то нехорошим удовлетворением.

Затем он приподнялся, продолжая сидеть верхом на мне. Я затихла и просто дышала – роскошь, которой мне оставалось наслаждаться так недолго. Он тоже дышал и молчал, думал, что делать дальше. В тот момент он наверняка пытался просчитать, какова вероятность того, что меня – мой дурацкий крик чупакабры – кто-то услышал и придет мне на помощь.

Лес тихо поскрипывал высокими, в небо, соснами. Хороший воздух тут был, очень хороший. Не каждый дачный поселок может похвастать такими соснами. Места сухие, но не слишком. Грибов полно, и не каких-нибудь сыроежек или там лисичек, которые я, впрочем, тоже люблю. Белых грибов, подберезовиков, подосиновиков, козлят, маслят, вкусных ароматных польских грибов...

– Помогите! – заорала я, дернувшись в сторону.

Ошибка номер три. Никогда не зли человека, который прижимает твои плечи к земле. Звук получился слабым, неудачным, невыразительным. Даже если кто-то меня услышит, он вряд ли воспримет такой писк всерьез. Кроме моего врага.

– Заткнись, тварь! – прорычал он.

В его голосе не осталось жалости, никакой надежды на помилование; только кристально чистая ненависть, первобытное зло, неуправляемая ярость. Злейший враг, когда-то ты любил меня, а я любила тебя. Когда-то ты был ответом на все мои молитвы, когда-то я ждала твоих звонков, мечтала оказаться с тобой наедине, держала в кошельке твою фотографию.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо, – прошептала я, и слезы, прорываясь, изломали и исказили мой голос.

Я всхлипывала и шмыгала, начала произвольно дрожать.

– Теперь ты, значит, вспомнила слово «пожалуйста», – недобро усмехнулся он. – Чего ты хочешь? Чтобы я простил тебя и помиловал? Ты недостойна этого, ты недостойна прощения, понимаешь? Чего ты от меня хочешь?

– Ничего я не хочу, – пробормотала я жалобно. – Ничего, ничего я не хочу.

– Вот это ты врешь. Ты лгунья, моя Софи. Ну почему ты никогда не говоришь правды? Ты же понимаешь, что меня довела? А? – он крикнул и встряхнул меня, как тряпичную куклу. Я ударилась головой о корягу. – Посмотри на меня, моя дорогая, до чего ты меня довела! И теперь ты говоришь «пожалуйста»?

Тон изменился, он заговорил громче, визгливее, истеричнее. Глаза в темноте горели огнем.

– Я ничего не сделала, – ответила я, с тоской оглядываясь по сторонам.

Помощь не придет. Никто не придет. Я совершенно одна. Нет, не одна: с ним, с человеком, которого когда-то любила, который стал моим злейшим врагом. Если бы я была одна!

– Ты? Ничего? Не? Сделала?

Он буквально выплюнул каждое слово мне в лицо, и вдруг щеку мне обожгла пощечина. Когда-то он находил способ объяснить мне, почему я сама во всем виновата, откуда берется его взрывоопасная ярость. Он мог кричать мне в лицо и меня же обвинять в этом, и когда-то я даже верила, что он прав. Если человека долго наказывать за что-то без причин, рано или поздно он признает, что это заслужил. Защитный механизм, обернувшийся против тебя. Аутоиммунный ответ, как при системной красной волчанке. Я верила, я стеснялась, я искала выход, но больше всего я боялась – столько страха, не передать словами. Страх, который замораживает, мешает действовать и чувствовать, делает мир серым, словно посыпанным пеплом от пожара. Этот страх менял меня, обесценивал, низводил до пустоты. Собственно, поэтому-то я и ушла. Я не хотела так жить.

Нет, не так. Я просто хотела жить.

– Я ничего не сделала, и, если хочешь знать, мне вовсе не нужно твое прощение, я просто хочу, чтобы ты ушел. Навсегда! – выкрикнула я, наплевав на последствия.

Ошибка номер четыре. Никогда не стоит говорить правду. Правда – как соляная кислота, она разъедает металл, она уродует людей и превращает их в монстров. Мой враг застыл, темный контур его лица навис надо мной, четко отчерченный лунным светом. Над соснами и выше, выше, еще выше виднелось темное, сияющее бархатное августовское небо. Я вдруг увидела все сразу: бездонную синеву и два облака в отдалении. Одно – ближе к полной луне, подсвеченное и похожее на овечью голову, второе – левее, почти у кромки леса, вытянутое, рваное, напоминающее неудачно растекшееся тесто для блинов.

– Конечно, дорогая, я знаю, чего ты хочешь, – почти нежно ответил он. И добавил: – И что ты такое, я тоже знаю.

Спокойствие его тона меня не обмануло. Я рванулась, пытаюсь скинуть врага с себя – тщетные попытки спастись. Даже попав в капкан, будешь дергаться и пытаться вырваться. Даже под водой попытаешься дышать. Инстинкт. Его руки сомкнулись вокруг моей шеи. Ладони были горячими и липкими, по лицу моего врага, когда он душил меня, стекал пот. Я подумала с удивлением: это не может быть всерьез! Невозможно, просто невысказанно, чтобы он сейчас меня убил. Задушил. Это просто смешно! Но нет, его пальцы – как камень, как цемент, и, как я ни пытаюсь, мне не удастся сдвинуть их даже на миллиметр. Воздух: двадцать процентов кислорода, семьдесят восемь процентов азота и еще всякого по мелочи – углекислый газ, аргон, гелий, криптон. Такая привычная и незаметная роскошь – дышать. Право, данное каждому, рожденному на планете Земля, отнятое у меня врагом. Я сопротивляюсь, пока могу, но силы покидают меня, я отвожу взгляд в небо, туда, к облакам и звездам. Что случилось с моей жизнью, где я ошиблась, что сделала не так и как попала в этот тупик, в этот лес, полный такого чистого и такого недоступного мне воздуха?

Глава 1

Все мужчины без ума от истеричек

Обратный отсчет. За 2274 дня до этого

Потом он спорил со мной и говорил, что мы уже были знакомы, что тот день никак не мог быть днем номер один, но я, хоть убей, не могла вспомнить ни единого раза, чтобы мы встречались до этого. Каким бы странным это ни кажется, иногда можно разминуться и в кухонном коридоре. Может быть, мы ходили с ним по параллельным вселенным, которые просто не пересекались, так и струились одна через другую. Так или иначе, я отчетливо помню, что впервые я увидела его на кухне. Он сидел на самом краешке старенького облупленного табурета, поставив локти на кухонный стол и спрятав лицо в ладонях. Он в серой спортивной футболке и шортах, и он несчастен. Он уверен, что в квартире никого нет.

Так же, как и я. Иначе бы я не стала выходить из комнаты.

Тогда-то мы впервые и встретились. Был конец мая, тридцатое число, пятница. Он услышал мои шаги и вздрогнул и вынырнул из своего совсем еще свежего, новорожденного горя, глубоко и жадно вдохнул, поднял на меня взгляд. Я помню его глаза в тот момент – обведенные темными кругами, словно он не спал три дня, темно-серые, как грозовые облака, глаза. Он смотрел на меня озадаченно, не понимая, кто я такая и откуда взялась тут, в их с Ларисой коридоре. Потом он вспомнил, кивнул и спросил сухо, если не грубо:

– Ты София, что ли? Почему ты здесь? Разве ты не должна была уже уехать?

– Я собиралась... завтра, – пробормотала я и добавила, помедлив: – А что случилось?

Я совершенно точно знала, что именно случилось.

– Все слышала, значит? – нахмурился он.

Мое сердце застучало, а взгляд забегал по кухне, как у загнанного зайца. Конечно, я все слышала. Думаю, все соседи на этаже слышали. Я сидела в комнате, вздрагивая от каждого крика, ждала, пока кончится шторм и перестанут хлопать двери. Я слышала, как кричала Лариса – кричала на него, обвиняя его во всем сразу. Она кричала: «С тобой совершенно невозможно!», и «Тебе никогда не было интересно, что со мной происходит!», и еще «Ты должен мне верить!» Он же почти не отвечал, только в ответ на это «верить»

расхохотался – фальшиво и преувеличенно громко. Лариса кричала, громче и громче от минуты к минуте, что он сам во всем виноват. Неправда, он ни в чем не был виноват. Лариса ему изменила.

Изменяла ему на протяжении последних четырех месяцев, примерно с февраля. Она изменяла ему и тогда, когда они подали заявление в загс. Чуть ли не в тот же самый день.

– Я ничего не слышала, я только что пришла, – соврала я.

Он посмотрел на меня пристально, взгляд – детектор лжи. Затем покачал головой:

– Это неважно. Мне плевать. – И он потер лицо, будто после долгих часов у экрана компьютера.

Затем передернул плечами и тряхнул головой, пытаясь сбросить морок. Несчастье – как бессонная ночь, оно замедляет реакции, не дает сосредоточиться.

– Все кончено в любом случае.

– А как же свадьба? – спросила я. – Может быть, еще помиритесь?

– Помиритесь, – повторил он за мной, словно пробуя слово на вкус, и вкус этот был горький. – Ни с кем я не буду мириться. Ты чего хотела-то? Заходи, делай, чего там тебе надо. Я все равно скоро пойду, наверное.

– Мне чайник поставить, – пробормотала я, хотя на самом деле хотела провалиться сквозь землю.

Скандал – как не застегнутая ширинка на брюках, все отводят взгляд, делают вид, что ничего не видят, но взгляд невольно возвращается снова и снова. Неудобно-то как. Неудобно. Позор какой. И как скажешь-то?

Он кивнул и подвинулся, давая мне проход к кухонной столешнице. Кухня была простой, старенькой, тумбы не соединялись в общую поверхность, каждый

шкафчик имел собственную столешницу. Тогда еще далеко не везде были встроенные кухни. Только у «новых русских». Мы были «старыми русскими», просто молодыми. Хотя... он был в тот момент таким взрослым, хотя разница между нами всего три года, даже два с половиной, если точно. Ему было девятнадцать, а мне семнадцать. Но тогда он был намного старше меня, потому что он уже любил и его уже предали, я же еще не любила никогда. Мне кажется, я даже немного завидовала ему, как дети завидуют книжным героям, вернувшимся с войны и просыпающимся ночью от кошмаров. Он был старше меня на одно разбитое сердце.

В тот день я увидела его впервые, я совершенно уверена. До этого, правда, Лара показывала мне его школьную фотографию. Он никогда не был фотогеничен, ни тогда, ни после. На снимках у него всегда получалось такое выражение лица, словно он только что нечаянно съел муху. На фотографиях никогда не было видно, какой он человек. На фотографиях он никогда не смеялся, даже не улыбался – будто бесконечно снимался на паспорт. Просто парень, обычный, каких миллионы. В жизни он был таким же простым, в светлой в клеточку рубашке с короткими рукавами и простых синих джинсах с черным ремешком. Из нагрудного кармана торчал колпачок синей ручки. Простой – но что-то еще, неуловимое, на уровне движений и дыхания. Интересный молодой человек. Главным образом умные, пронзительно-серые, грозные глаза. Зеркало души.

– Ты его знаешь? – спросил он вдруг ни с того, ни с сего.

– Кого?

– Дурочку не строй, – зло пробормотал он.

Он не смотрел на меня, смотрел в открытое окно на переулок и на облупленную красную стену Донского монастыря в том месте, где древняя башня плавно соединяется с современными гаражами. Я вдруг поймала себя на дикой мысли. Я ведь даже не знаю его имени, только вроде что-то там на «А». Андрей? Алексей? В отдалении прогремел трамвай. Я не знала, что сказать, поэтому молчала – разглядывала ладони. Почему Лариса убежала и оставила меня наедине со своим обманутым парнем? Как всегда, красотка Лариса ускакала веселиться. Впереди было лето, и она не собиралась тратить время на объяснения с... Александром? Артемом?

- Это не мое дело, знаешь ли. Я не хочу ни во что влезать.

- Значит, знаешь, - кивнул он с удовлетворением. - И кто он?

- А разве это хоть что-то изменит? - огрызнулась я. - Допустим, я скажу тебе, что он красив и богат и что приезжал за ней на глазастом шестисотом «мерсе»? Тебе станет лучше или хуже? А если я скажу, что он страшный и старый? Препад из института с животиком и артритом?

- Такому бы она не послала свои голые фотографии. Хотя... В качестве реферата, что ли? - процедил он. Я покраснела и прикусила губу. - Ты их видела? Хочешь, покажу? - он говорил нарочито спокойно, словно ему было все равно. - Раз уж она прислала их мне, значит, они теперь мои. Могу делать что хочу. Могу в Интернете выложить, почему нет? Могу - тоже случайно - послать ее родителям. Или вообще распечатать и на ее кафедре повесить. А что, пусть весь факультет радуется, наслаждается такой красотой. Вот какие у нас студентки-второкурсницы! Ты, кстати, тоже второкурсница, да? Ах да, ты же первый курс окончила.

- Еще не окончила, - с вызовом бросила я. - Еще реферат недописала.

- Помочь дописать? - с таким же вызовом спросил он.

Мы смотрели друг на друга, злые, чужие, случайные соседи в этой съемной квартире. А затем я не сдержалась и прыснула.

- Реферат дописать! - процедила я сквозь смех. - По математическому анализу!

- По матану? Seriously? - переспросил он и тоже прыснул.

Чайник на плите зашипел, нутужился и испустил длинный жалобный свист. Мы смеялись по-разному. Он - как смеются на грани нервного срыва перед тем, как начать орать и бить тарелки. Потом он как-то в один момент замолчал и посерьезнел. Сказал «извини».

- За что? - удивилась я.

– Ты-то тут при чем? На тебя-то я чего сорвался? Просто знаешь, София, трудно все-таки сдерживаться, когда женщина, на которой планировал жениться через две недели, присылает тебе... веселые картинки, назовем их так. С другой стороны, чего я мог ждать?

Он замолчал и долго разглядывал свои ладони, словно пытался вычислить, какая из линий привела его в эту точку его жизни.

– Лариса еще пожалеет, еще прибежит, – тихо сказала я, чувствуя, что надо что-то сказать.

Я не думала, что Лариса прибежит. Я сказала это из чистой вежливости, а еще потому, что мне было не по себе, стыдно и как-то нехорошо. Вся эта ситуация была неприятной, и меньше всего я планировала оказаться в ее центре. Но факт есть факт, я сижу и сочувственно смотрю на... Анисия? Артура?... который тарачится на свои ладони, а Ларисы и след простыл. Она уже, наверное, с тем, с другим, с которым – веселые картинки. Мне это казалось совершенно невозможным, вот так, запросто дать кому-то сфотографировать себя нагишом, но для Ларисы не было ничего невозможного. Стрекоза. Красивая, большеглазая, с тоненькими ножками. Скромняшка, но это только с виду. За этот год, с сентября по май, я узнала ее так хорошо, как можно узнать человека, с которым делишь одну съемную квартиру на двоих. Пуд соли мы, конечно, не съели, но килограммы растворимого кофе употребили. Лариса была, наверное, неплохим человеком, но бывают такие девушки, от которых всегда и у всех проблемы. Даже если они этого не хотят. Как вирусы, воздушно-капельным путем, через поцелуи передаются и проблемы. Лариса была слишком хороша собой, и красота мешала ей жить, создавала соблазны, против которых Лара даже не пыталась устоять.

– Ты правда так думаешь? – спросил он.

– Ну...

– Ага, прибежит. Как же, нужен я ей. Как прошлогодний снег. – Он встал, подошел к раковине и принялся пить воду прямо из-под крана. – Да даже если и прибежит, плевать.

– Что, не примешь обратно? – удивилась я.

В конце концов, в какой-то степени он был прав. Простые парни в клетчатых рубашечках всегда и все прощают таким, как Лариса.

Плохо же я тогда его знала.

– Обратно посуду принимают, бутылки из-под пива – для переработки, – сказал он и обернулся ко мне. – Сколько это продолжалось?

– Что – это? Ах, это... Не знаю.

Я не хотела ни о чем рассказывать, прежде всего, чтобы не делать хуже – ему. Темно-серые грозовые глаза сузились, губы сжались, и что-то промелькнуло в них, что после я хорошо узнавала, но не могла объяснить. В нем всегда все было понятно, кроме этого короткого взгляда, в котором читалась какая-то тайна, что ли, или, вернее, не тайна – секрет, который он тут же попытался скрыть.

– Врешь, София. Не ври мне, слышишь, – он говорил тихо, но от его голоса в моих жилах вдруг остыла кровь. – Мне не стоит врать, потому что я хочу знать правду, а поэтому нет никакого смысла беречь мои чувства. Ты все равно уже не сможешь что-то исправить, ну же, Софи! И сделать хуже тоже не сможешь.

Он видел мою нерешительность. У меня тоже был секрет, и я тоже боялась, что он сможет прочесть его в моих глазах.

– Я не сделаю хуже, но и лучше тоже не сделаю, – возразила я. – Что изменится, если ты узнаешь подробности? Отчего всем так интересны подробности, которые, в сущности, не имеют никакого отношения к тому, что произошло?

– Ты так считаешь? – почти зло почти выкрикнул он. – А ты кто, эксперт? Я хочу знать.

– Что? Что она тебя все еще любит?

– Ты на кого учишься? Не на психолога? Считаешь, я предсказуем, да? Не каждый день, знаешь ли, получаешь по электронной почте голую фотографию любимой девушки, адресованную не тебе. Я вот все думаю, может быть, она специально ее отравила, чтобы не было свадьбы? Побоялась напрямую сказать?

– Не побоялась, – пробурчала я.

Он остановился и вперился в меня взглядом, словно пытался вскрыть меня, как открывалкой для консервов.

– Говори. Продолжай, – хмуро потребовал он.

Я отвела взгляд. Нет, не скажу. Ничего я тебе не скажу, потому что я трусиха. Потому что разве знала, что я на тебя натолкнусь? Я не знала тебя, ты для меня был только картинкой из Ларискиного альбома, блеклый снимок, сделанный вами в пансионате в Звенигороде на Новый год. Ты был фикцией, вымышленным персонажем, а теперь сверлишь меня взглядом, заряженным твоей болью, и я ничего тебе не скажу. Не смогу, мне тебя жаль. Да и себя. Я же не хотела всего этого.

– После сессии началось, наверное, – выдохнула я. – Он из аспирантуры.

– Ты его видела? – Он смотрел жадно, как смотрят на шведский стол, полный дешевой сытной еды.

– Я? Нет, не видела. – Осеклась, поправилась: – Слышала, как они разговаривали. Он за ней заезжал иногда, но в квартиру не поднимался, всегда ждал в машине. Она говорила, это несерьезно, что это все – для веселья. Что потом-то будет скучная семейная жизнь.

– Не будет. Можно веселиться дальше, – горько усмехнулся он. – Несерьезно. У нее ничего в жизни не бывает серьезно.

– Стрекоза, – пробормотала я. Он непонимающе посмотрел на меня. – Попрыгунья-стрекоза, лето целое пропела, оглянуться не успела, как зима... Чего-то там дальше, не помню.

Он помедлил, затем кивнул, вспомнил. Потом встрепенулся, похлопал себя по карманам, словно искал кошелек.

- Черт, надо в ресторан позвонить, отменить банкет. Столько денег.... Слушай, а сделай мне тоже чайку. Хотя... нет, чай - это в моем случае полумера. У тебя ничего покрепче нет?

- Покрепче чая? Кофе?

- Смешная ты, Соня. Кофе! Придется в магазин идти. С горя ведь положено пить. Ты чего будешь, белое вино или красное? Учítывая, что вряд ли у тебя есть мясо и, еще менее вероятно, что есть рыба... пиво будешь?

- Но у меня-то и горя нет, чего мне пить?

- Логично. Придется мне пить за двоих. Да и потом, ты ж, наверное, несовершеннолетняя еще, да? Первокурсница, восьмиклассница. Лариса говорила, что ты отличница, синий чулок. Что ты по золотой медали поступила. Это так?

- Ну, допустим. И что мне теперь, и не выпить? - удивленно возразила я, заранее, авансом обидевшись на дискриминацию.

- Золотая медаль - это серьезно. Как удалось отхватить? Директриса знакомая?

- Училась хорошо, - пожала плечами я.

- Брехня. Я тоже учился хорошо, но медалей на наш район выделили всего две, на меня не хватило. Мне намекнули, чтобы я утерся, а я, как дурак, не поверил. Так мне за две недели последней четверти химичка тройку влепила, хотя я все контрольные написал и вообще.

- Как так? - нахмурилась я. - В четверти?

- В году. Так-то, первокурсница. Пашешь десять лет, а потом приходят и тебя валят. Это ничего. Я экзамены все равно сдал. Не проблема. Зато теперь знаю,

как устроен этот мир. Захочешь – и тебе могу рассказать, правда, рассказ выйдет коротким. Никому нельзя верить. Конец.

– Слушай... а можно тебе вопрос задать? – перебила его я.

– Ну, задавай.

– Только пообещай, что не будешь обижаться и терять веру в человечество.

– Так уже нечего терять. Выкладывай, мне уже даже интересно, что ты хочешь обо мне знать. На сегодняшний день, мне кажется, ты и так уже знаешь обо мне и моих делах куда больше, чем, наверное, хотела.

– Имя.

– Что? – растерялся он. – Имя?

– Ну да, имя. Как тебя зовут, а?

– Ты это серьезно? – вытаращился он и некоторое время молчал, демонстрируя изумление и возмущение. – Нет, это ни в какие ворота. Ты не шутишь? Черт, а я-то думал, хуже уже даже некуда. Наивный я чукотский юноша.... Ты с моей невестой в одном доме живешь уже год и даже имени моего не знаешь. Это насколько же ей было на меня наплевать!

– Не в этом дело, – стала оправдываться я. – Понимаешь, Лариса тебя по фамилии все время называла. Ласточкин, Ласточкин. Видишь, я фамилию-то знаю.

Он смотрел на меня и молчал, следовательно из убойного отдела, черт побери. Я начинала злиться.

– Я не только фамилию, я много чего о тебе знаю. Лара рассказывала много. Да она только о тебе и трещала. Я даже твой день рождения знаю, тринадцатое июля. Вот ты мой не знаешь, а?! Нет, не знаешь. А я даже знаю, что ты как-то там с авиацией связан.

– Как-то там с авиацией? – сощурился он. – Это она так говорила? Подожди, день рождения... ага, я знаю. Это из-за гороскопов? Ты мой день рождения знаешь, потому что Лара помешана на этом маразме. Я там кто... Свинья я по ее календарю.

– Водяной кабан, – кивнула я. – Это по китайскому гороскопу. И рак по другому какому-то.

– И рак. И что это значит? Что от меня умирают, да? Я смертельно опасен? Так, ладно, я пошел.

Он встал так резко, что опрокинул табурет. Похлопал себя по карманам, достал откуда-то рассыпанные в беспорядке монетки и смятые купюры, посмотрел на них и направился к выходу. Аристарх? Алан? Лара говорила, что у них с Ласточкиным идеальная совместимость. Что водяные кабаны – люди с золотым сердцем, великодушные и добрые. Что из них получаются хорошие мужья. Она не очень хотела за него замуж, но свадьбу хотела. Ей очень нравилась фамилия. Лариса Ласточкина. Хорошо звучит, красиво. Намного лучше, чем Лариса Шулина. Так она говорила. Какой была фамилия ее любовника, я не знала.

– Эй, Ласточкин, слышишь? Я буду джин-тоник, Ласточкин! – крикнула я ему вслед, а потом достала плеер и включила музыку.

Пела солистка Garbage, что-то ритмичное – фортепьяно и ударные. Мой плейлист непредсказуем.

Глава 2

И все пятеро одновременно говорили о себе...

Тридцатое мая. Я запомнила дату, потому что в последние выходные мая должна была собрать вещи, освободить комнату и уехать обратно к маме в Солнечногорск. Сначала на лето, потом, возможно, насовсем. Квартиру около Донского монастыря снимала Лариса, меня туда просто пустили – по большому одолжению и за относительно небольшие деньги. Относительно – это смотря для

кого. Для меня, вернее, для мамы – большие. После свадьбы, конечно, меня в квартире не должно было быть.

Меньше всего я хотела возвращаться домой. Одно дело – приезжать по выходным, совсем другое – ездить в университет из Подмосковья, каждый божий день садиться в набитую сонными людьми электричку, забиваться в метро, дышать затхлым воздухом, перегаром, только что докуренными дешевыми сигаретами, пытаться читать, стоя в толпе.

Из магазина он пришел с двумя пакетами в руках. В одном лежали три банки джина с тоником и почему-то связка бананов, в другом – бутылка «Охотничьей». Я присвистнула.

– Ничего себе планы. Не боишься?

– Чего мне бояться? – переспросил он с самым серьезным видом.

– Что из окна вывалишься, к примеру. Ты что, планируешь вот это выпить в одиночку? Решил покончить с собой из-за Ларисы? Убиться при помощи такой жути?

– Чем тебе не нравится эта бурда? – «обиделся» он. – Я попросил дать мне самое бронебойное пойло, чтобы разом забыть не только девушку, но и вообще все, что происходило со мной в этом году, и продавщица дала мне вот это. Значит, буду пить. Однако думаю, чтобы со мной покончить, нужно больше, чем бутылка «Охотничьей».

– Две бутылки? – усмехнулась я. – Ты всерьез намерен закусывать бананами? Это тебе тоже продавщица посоветовала?

– А ты что, эксперт по тому, как именно и что надо пить? Почетный дегустатор? – Он демонстративно выложил бананы на стол, а затем бросил мне (или в меня) банку джин-тоника. – Пей свою ерунду и не жалуйся. Из окна я не вывалюсь, оно тут узкое.

– Нормальное окно, ты пролезешь, – ответила я, с характерным щелчком открывая банку. – Ты мне все-таки имя свое скажи, а то как я тебя хоронить-то буду?

– Напишешь – светлой памяти Ласточкина, – ухмыльнулся он, явно не собираясь выдавать мне свое чертово имя.

Я отхлебнула джин-тоника. Я пила его второй раз в жизни, но совсем не хотела, чтобы Ласточкин это понял. По какой-то причине именно когда тебе семнадцать, хочется, чтобы все считали тебя умудренной опытом и попробовавшей все джин-тоники на свете.

– Значит, не скажешь? Смотри, я вообще тогда могу взять и назвать тебя как захочу. Как называют подобранных собак. Может, у них уже и были хозяева, и, может, у них уже есть имя – какой-нибудь Бобик.

– Ну, хуже Бобика-то не будет, – рассмеялся он.

– Могу что-нибудь придумать, – пожала плечами я, попивая джин-тоник. – Называть тебя, к примеру... Эркюлем.

– Как-как? – Он обернулся и хмыкнул, а затем подошел к холодильнику и заглянул внутрь. Его лицо озарил свет.

Внутри холодильника ждала почти космическая пустота и чистота. Лариса почти не ела, потому что почти не бывала дома, я почти не ела, чтобы не тратиться. Вообще-то очень многое в моей жизни я делала или не делала, именно чтобы не тратиться. Не пила спиртного и вообще ничего, чтобы не тратиться.

Предаваться порокам и учиться на первом курсе университета – это очень сложно, дорого и по карману тем, кого пристроили в университет богатые родители. Моя мама сидела в поликлинике «на картах», так что ее помощи еле хватало на оплату моей комнаты у Ларисы и более чем скромного питания. Я почти не покупала одежду, исписывала тетрадки до упора, ездила только на городских автобусах, потому что для студентов там был бесплатный проезд. Я не испытывала никаких особенных неудобств, просто так была устроена моя жизнь. Я никогда не жаловалась, просто делала все, что могла, чтобы выжить.

Иногда – делала больше, чем хотела.

– Эркюль, будешь картошку жареную?

– Воображаемую? – уточнил он, кивнув на белоснежные глубины холодильника. – Тогда мне с луком и с грибами.

– Воображаемую можешь есть любую, а у меня белорусская. С луком – пожалуйста, а по грибы сначала придется сходить. К твоему сведению, картошку в холодильнике хранить нельзя, она может там померзнуть.

– Я так понимаю, большую часть ваших запасов нельзя хранить в холодильнике, да? И вообще в доме.

– У нас полно еды, – обиделась я.

– Хозяйственная и отличница. Я начинаю понимать, зачем Лариса тебя пустила, – пошутил он, но по его лицу тут же пробежала тень, словно одно упоминание имени невесты возвращало нас в пасмурный осенний день, под противный мелкий дождик.

Пить он, как и я, тогда тоже не умел, что и было установлено нами опытным путем. Рюмок в квартире не было, из посуды – только тяжелые бежевые икеевские кружки из дешевой глины. Он налил «Охотничьей» в одну, с чуть отколотой ручкой, и попытался отпить так, словно это был не крепкий алкоголь, а чай. Отпил – и отшатнулся, и скривился, и открыл рот так, словно обжегся.

– Господи, ну и гадость, – сказал он, смешно вытянув руку, словно чашка – ядовитая змея, которую он поймал и держит за голову.

– А у меня все хорошо, – улыбнулась я и отхлебнула еще чуть-чуть. – С другой стороны, может, от твоего будет больше эффекта. Что-нибудь чувствуешь?

– Чувствую, словно мне бензина в рот налили и подожгли, – кивнул он.

Затем осторожно поднес кружку к лицу, склонился, понюхал, поморщился. Подождал еще, посмотрел на меня так, как смотрят перед тем, как прыгнуть в прорубь в крещенские морозы. Решился – и выпил, на этот раз резко, опрокинув кружку одним махом. Затем долго кряхтел и плевался, но дело было сделано, Ромео принял яд. Его глаза заблестели от навернувшейся влаги, он задышал глубже. Затем он кивнул и налил еще.

Я чистила картошку и думала, что вовсе не хочу узнавать его ближе. Я вообще не собиралась встречаться с ним. С того момента, как между ними разгорелся этот огромный, ядерно-радиоактивный скандал, я надеялась, что в какой-то момент именно он выскочит из квартиры, бросив ключи на пол, и исчезнет, а Лариса – и соответственно я – останемся тут. Надежды, надежды.

Я сделала приличный глоток и принялась нарезать картошку ломтиками.

– Ты давно ее знаешь? – спросил он.

Я оторвалась от картошки, удивилась или, вернее, сделала вид.

Он фыркнул и недобро рассмеялся.

– Опять дурочку валять? – добавил он. – Сколько лет ты ее знаешь?

– Лет? – Я покачала головой. – Да еще года нет пока. Мы, собственно, с сентября знакомы.

– С этого сентября? Нет, не выходит.

– Чего у тебя не выходит?

Я с удвоенной яростью принялась резать картошку. Не выходит у него.

Он помолчал, затем озадаченно спросил:

– В университете познакомились, что ли?

Я удивилась, что он удивился. Наша с Ларисой история была вполне типичной для студенток.

- Мне общежитие не давали, потому что я из Подмоскovie, но попробовали бы они сами поехать в Москву на «Юго-Западную» из Солнечногорска, я бы посмотрела. Пара часов в одну сторону. Так что я с самого начала искала кого-то для подселения, если честно.

- Для подселения. Подожди, я не понимаю. Что значит - искала подселение?

- Меня однокурсница Ларисе сосватала... ну, то есть познакомила.

- Но ведь ты же подруга Ларисы, она тебе помогает по-дружески, да? - уточнил он.

- Помогает, да, - согласилась я. - Но до подруг нам все-таки далеко. Мы общаемся, конечно, но не так близко. То есть... она со мной общается довольно близко, но такова уж Лариса. Она больше всего на свете любит говорить о себе.

- Все люди больше всего на свете любят говорить о самих себе, София.

- Я не люблю говорить о себе, - возразила я.

- Это ты просто еще не прожила достаточно долго, чтобы было о чем говорить. Так ты мне поясни, ты что, Ларке деньги платила? - спросил.

Я бросила нож и картошку, повернулась к нему.

- А в чем проблема? Я понимаю, что мало, но у меня ситуация такая. И потом, я уходила, когда она просила побыть где-нибудь и не путаться под ногами. Я ж понимаю. Хотя однажды мне пришлось сидеть около метро в пирожковой четыре с половиной часа, до двенадцати ночи. А по выходным я уезжала. И вообще она меня о том, что мне в мае нужно съезжать, предупредила буквально неделю назад. У меня вообще-то сессия сейчас. Нет, я сказала, что уеду, когда вы поженитесь. Я просто говорю, что при прочих равных условиях другой человек мог бы и не согласиться. Не такие уж и маленькие были наши деньги...

Я закипала, большей частью от мысли, что мне все-таки придется ехать домой, в Солнечногорск. Прощай, моя самостоятельность. Прощай, утренний сон.

– Софа, Софа, Софа, подожди, остановись. И сколько ты ей платила?

– Ну, началось! – всплеснула руками я. – Во-первых, не называй меня Софой, я это ненавижу, звучит, словно я диван какой-то.

– И как же тебя звать? – удивился он. – Соня разве лучше? Спящая соня. Или Софи?

Это я проигнорировала.

– Во-вторых, сколько мы договорились, столько и платила. Задним числом такие вещи не меняют, я доплачивать не буду.

– Я не собираюсь ничего менять, я спрашиваю – сколько. Если хочешь, из чистого любопытства. У меня сегодня такой вот день удивительных открытий. Впрочем, не важно, на самом деле, сколько. Можешь вообще не отвечать, мне плевать. Плевать! – почти крикнул он, но не мне, а скорее самому себе.

– Да успокойся ты, нервный какой-то.

– Нервный? Еще бы. Мне, между прочим, Лариса сказала, что ты – подруга в стесненных обстоятельствах, что тебе нужно просто несколько месяцев пожить, перекантоваться, так сказать. Что ты – близкая подруга. А с подруг же, понимаешь, денег не берут. Нехорошо это – брать с подруг деньги. Тем более когда все равно за квартиру уже уплачено.

– Что? – Пришел мой черед изумляться. – Лариса...

– Нет, она не платила за квартиру, я платил. У нее, ты не поверишь, та же история, что и у тебя. Тоже прописка в Подмоскowie, ей тоже общаги не дали. А мне – дали. Потому что я из Ярославля, понимаешь ли. А тут моя родственница предложила эту квартиру, и недорого. Повезло, да? Я не хотел сразу переезжать, потому что у меня шел сопромат, и я хотел закрыть предмет. Потом переехать. Но Лариса захотела снять квартиру немедленно. Лариса была не

против, чтобы я переехал попозже, понимаешь?! Не против! – сказал он жестко. А потом он так засмеялся, что у меня по коже побежали мурашки.

– Я въехала в конце сентября, – вспомнила я.

– Да я помню. Она мне рассказала, как ты умоляла ее дать тебе пару-тройку недель решить вопрос, а потом эта пара-тройка недель выросла в пару месяцев, да так и не закончилась. Она говорила, мол, чего кипятишься, она же никому не мешает. Она – это ты, София. И что на выходные ты все равно уезжаешь, тоже говорила. Подожди, а у тебя реально мать болеет, живет в коммуналке, и ты к ней едешь на выходные ухаживать?

Я медленно покачала головой.

– Моя мама, слава богу, совершенно здорова. Я просто к ней езжу. Далекое ездить, ну и так далее. Много там, знаешь, факторов.

– Черт, мог бы и сам догадаться. Все это даже звучит как часть какого-то дикого сериала. Больная мать в коммуналке.

– Слушай, как она могла такое сказать?! – пробормотала я, с трудом сглатывая непривычный комок в горле. Ярость. Вот что я чувствовала. – Я хочу ей... вlepить по роже. Как она посмела!

– Значит, с тебя она понемногу получала на карманные расходы. Нормально. А что? Прямо очень даже неглупо все придумано. А я еще удивлялся, чего это она не хочет, чтобы я из общаги до конца года выезжал. Такая забота! Все мозги мне проела твоим тяжелым положением. А моя общага – она ж бесплатная. Только там одна душевая на этаж и в тазике парни носки замачивают на месяц – так, чисто для того, чтобы все отстиралось. Я не жалею, не думай, в конце концов я не так уж и чувствителен к запаху протухших носков, он мне даже нравится. Просто это было так глупо – снимать квартиру и не жить там, потому что у нее была ты.

– Знаешь, тоже не нужно было быть таким дебилом. Хоть немного нужно думать головой. Нельзя так давать себя дурить. Я-то откуда могла знать? Я тебя даже не встречала. Я даже имени твоего не знаю. Лариса предложила мне комнату, я согласилась. По деньгам выходило выгодно, остальное меня не интересовало.

Как можно платить за квартиру, в которой не живешь? Не месяц или два – девять месяцев платить! Ты на кого учишься? На доброго волшебника? Хрустальные туфельки для каждой принцессы? А потом они этими самыми туфельками по тебе и пройдутся.

И тут я наткнулась на больные от горя глаза. Он смотрел на меня, словно молил о пощаде. Я осеклась.

– Продолжай, не останавливайся.

– Черт, прости. Я не хотела, – покачала головой я, но он только развел руками и с театральной улыбкой добавил:

– Ничего-ничего. Все – правда, все – про меня. Идиот. Учусь, правда, на аэрокосмическом, но это тоже оттого, что дурак. Люблю всякие летающие штуковины. Романтик, да? А ты на кого учишься? На учетчика? – обиженно нахохлился он. – Чужие деньги считаешь?

– Ты знаешь... – замялась я, невольно улыбнувшись.

Он явно не рассчитывал на такую реакцию, на улыбку.

– Что? Определенно, я ни черта не знаю.

– Я учусь на экономическом, – добавила я. – Так что ты не так и не прав. Наша специальность только звучит красиво – экономисты. На деле большая часть станет бухгалтерами.

– И ты, Софи? – ужаснулся он. – Станешь бухгалтером, что, реально? На самом деле, будешь сидеть и сводить баланс?

– Ты говоришь так, словно нет хуже судьбы! – возмутилась я. – Работа как работа. Оплачивается хорошо. Блин, на аэрокосмический, знаешь, не всем дано поступить. Даже звучит красиво. Обалдеть. И где это – аэрокосмический?

– В космосе.

– В каком институте, придурок?! – усмехнулась я.

– А! Бауманка. А ты, значит, деньги изучаешь. Тебе никогда не говорили, что деньги – не главное?

– Ты ничего обо мне не знаешь, – теперь уже обиделась я.

Он махнул рукой и махом опрокинул содержимое своей чашки со сколом. Затем выдохнул и крикнул, как кричат бойцы из единоборств, нанося удар.

– Без разницы, София. Потому что ты права. Я ничего не знаю о тебе, а ты – обо мне. Хотя мне от этого, знаешь, не легче. Я все никак не могу понять, как такое могло случиться со мной. А, с другой стороны, разве был хоть единственный шанс, что выйдет по-другому? Ну разве не лучше, что все закончилось именно сейчас, а не через десять лет и двоих детей? И разве не случалось такое со всеми? Наверное, у каждого есть своя Лариса. Вот у тебя есть своя Лариса?

– У тебя язык заплетается, Эркюль, – усмехнулась я. – А у меня картошка не готова. Что мне с тобой тут делать без картошки? Ты подожди, не пей больше.

– Не, не могу обещать, София. Потому что мне так, знаешь, обидно, что хочется найти ее и трясти, пока из нее не вывалится эта ее беззаботная улыбка. Пока она меня не испугается. Черт, никогда больше ни одна женщина не заставит меня так чувствовать. Слышишь, София, ни одна женщина никогда больше не разобьет мне сердце. Я разобью им сердце, а они мне – нет. Вот так-то, София. Я, кстати, Митя.

– Митя? – удивилась я. И добавила: – Ты уверен?

– Я уверен, – с нарочитой серьезностью кивнул он.

– Это вообще что за имя, сокращенное от чего? Дмитрий? – не унималась я.

Митя расхохотался, а затем протянул мне недопитую банку джина с тоником, и мы чокнулись. Два незнакомца в безвоздушном пространстве неясного будущего. Так мы познакомились. Судьбоносная встреча, одна из тех, что случается с каждым из нас время от времени. Незаметно, почти неопределимо,

как беременность или возраст, как неожиданное письмо в почтовом ящике, как все, что потом изменит нашу жизнь самым невероятным образом.

Глава 3

Человек – существо социальное

Самое странное, что никто – ни моя мама, ни его мать или даже его отец, ни наши общие друзья, ни предавшая его Лариска, – ни единая душа не поверила, что между мной и Митей ничего нет. Словно в этом было бы что-то предосудительное, противоестественное – познакомившись, остаться просто друзьями. Не так-то это и просто – быть друзьями. Порой куда легче сменить с десяток любовников. И если рассудить здраво, разве не было в тот момент самым логичным и естественным для нас остаться просто друзьями? Разве могло быть что-то еще? Что же – скорое и всегда неприятное на вкус отмение вероломной любовнице? Неуклюжая и глупая попытка утешить оскорбленного мужчину и заодно устроить личную жизнь? Загладить вину? Пойти на пьяную связь в попытке залатать разлетевшееся вдребезги самолюбие? С самого начала я знала: все это совершенно невозможно, только не для Мити Ласточкина, только не со мной. Мы стали чем-то вроде братьев по несчастью, хоть это и было его, не мое, несчастье. Я оказалась слишком близко к эпицентру взрыва, ближе, чем хотела, чем готова была признать, и это заставляло меня смотреть на все совершенно другими глазами.

Глазами соучастника.

Мы в ответе за тех, кого приручили, и за тех, кого уничтожили. За последних – даже больше. Они остаются с нами навсегда, как шрамы, как антитела от давно излеченных болезней, как воспоминания детства.

Для человека, которого только что обманула невеста, Митя держался хорошо. Так, словно ничего не произошло, словно так и задумывалось – беззаботно и бездумно бухать со мной в квартире, а потом на крыше нашей восьмиэтажки. В квартире Мите все время казалось, что открылась дверь, что Лариса вернулась. Тогда он бледнел, и замолкал, и вытягивался в струну, как немецкая овчарка, услышавшая что-то недоступное человеческому уху. Я шла, проверяла пустоту

прихожей, а когда я возвращалась, видела, как он сидит – моментально протрезвевший, усталый и потерянный.

В конце концов мы решили пойти куда-нибудь – все равно куда – подышать воздухом. Выбраться на крышу оказалось несложно, замок на решетках лестницы висел формально и легко открыл нам доступ к небу. Было тепло, вечерняя Москва грела, но уже не жарила, намекала на то, что завтра уже будет прохладно. Мы уселись под лучами уходящего за другую сторону Земли светила, подложив тонкий полиэстеровый плед из «ИКЕА», и принялись разглядывать монастырское кладбище с высоты нашей крыши.

– Ты когда-нибудь думала о смерти? – спросил он, отпивая прямо из бутылки небольшой глоток своего ужасного пойла.

Я даже запах выносила с трудом: острый спиртовой дух с едва уловимой примесью чего-то дубильного. Подделка на дешевый коньяк.

– Ничего себе ты спросил: чего это я буду о смерти в семнадцать лет думать?

– А по-моему, самое время о таком думать в юности – когда только начинаешь жить. Потом уже окажется поздно, уже все выборы будут сделаны, и останется только плыть по течению выбранной реки и прислушиваться к себе в поисках признаков старости.

– Ты просто оптимист, что ли? – хмыкнула я. – Ждешь старости? Тебе самому сколько лет-то? Сто?

– Это на меня так кладбище действует, – покачал головой он. – Представляешь, все эти люди там, за стенами этого древнего монастыря, они же тоже жили, тоже надеялись стать лучше, хотели чего-то добиться, тоже любовались закатами. Им принадлежал другой отрезок времени в нашей разлетающейся во все стороны вселенной, и они на этом отрезке тоже хотели верить в собственное бессмертие. Но потом – из точки «А» в точку «Б», сюда, на монастырское кладбище. В тлен. Вечный сон. Лед тонкий, ножи острые, и люди вечно выдумывают какой-нибудь новый порох.

– Я не хочу стать лучше, чем я есть, – возразила я.

– А чего ты хочешь, девочка Софи? – спросил он и повернул ко мне свое бледное растерянное лицо. – Чего ты хочешь больше всего на свете? Только давай без всякого дерьма, не сейчас, не здесь, не перед лицом этого заката, пожалуйста. Скажи мне, чего ты хочешь так, что готова ради этого на все.

Готова на все? Не знаю, не знаю, но кое на что я готова, вернее, способна, установлено экспериментально. Я смотрела вдаль, на зеленые шапки деревьев, густо заполнявших территорию кладбища. Если бы я не знала, что именно прячется за облупленными стенами из красного кирпича, решила бы, что это парк.

Я знала, он ничем не заслужил того, что с ним произошло, как и то, что никто никогда не бывает к такому готов. С другой стороны, Лариса стала бы ему плохой женой. Я не понимала, как это получилось, как он – умный, подвижный, полный интереса к вещам, о которых многие даже не задумываются, – мог повестись на нее, пустую, набитую гороскопами и дешевыми побрякушками куклу. Словно ослеп. Любовь зла, а Лариса красива. Красота – оружие, стреляющее наугад, из пушки по воробьям. Митя в тот момент и был немного похож на воробушка – нахохлившись, сидел, подтянув к себе колени и положив на них голову. Воробушек с полупустой бутылкой, чижик-пыжик.

– Больше всего на свете я боюсь прожить жизнь так, как ее прожила моя мама, – ответила я и сделала большой глоток джина с тоником. Газ выветрился, напиток нагрелся, и у него появился какой-то неприятный химический привкус. Но мне было наплевать. – И ради этого я готова если не на все, то на многое. Скажи теперь, что я ужасный человек.

– А что не так с твоей мамой? – спросил он, и в голосе я не услышала осуждения. – Чем она так нехороша, что ты не хочешь быть на нее похожа?

– Я не сказала, что не хочу быть на нее похожа, я сказала, что не хочу ее жизни, – ответила я с вызовом и смяла пустую банку одним нажатием. Митя смотрел непонимающе, но спокойно. Ждал пояснений. – Моя мама всю жизнь билась, как рыба об лед, и задыхалась точно так же, словно ее выловили и бросили на этом льду отмораживаться. И больше всего бесит, что она все это так покорно слопала, будто в этом не было ничего такого. Чего, в самом деле? С кем не бывает. Она все ждала какого-то принца, а он не пришел, знаешь ли. Вот она и влюбилась в какого-то женатого козла, который заделал ей ребенка. Банальность, такая банальность. Все говорил, что уйдет из семьи, что хочет

ребенка – меня, значит. Но не ушел из семьи, напротив, ушел от мамы. У мамы ни квартиры своей не было, ни нормальной работы, ничего. Диплом инженера и я. У них с бабушкой малогабаритная квартирка однокомнатная была на двоих, бабушка еще получила от завода. Мы в ней так и жили, втроем в комнате пятнадцать метров, и по сей день с мамой живем. Приватизировали. Мать всю жизнь бьется за жизнь, понимаешь? Где она только не работала, чего только не продавала! Даже однажды на дороге картошку продавала, знаешь, которую в ведрах на шоссе выставляют, про которую все думают, что она экологически чистая и со своего участка. Но это давно было, в самые тяжелые годы. Сейчас в поликлинике сидит, в регистратуре, «на картах» – знакомая устроила, хорошее место, хоть платят и немного, но стабильность и врачи под боком. Под боком, ха-ха!

– Ну и чего страшного? – пожал плечами Митя.

– В том-то и дело, что ничего страшного. Но, с другой стороны, это-то и страшно, что приходится цепляться за воздух, чтобы удержаться, не упасть в пропасть, но все равно летишь куда-то, и ничего невозможно изменить. Бедность – не порок, она – болезнь, хроническая, как артрит. Вроде можно с этим жить, но болит, ноет, спать не дает, и сделать вроде что-то можно, но непонятно, что именно. И все дорого, все эти процедуры.

– Ты откуда все это про артрит-то знаешь?

– А, это... Бабушка мучилась на старости лет. Да неважно. А мама у меня, знаешь, всю жизнь пыталась потом выкарабкаться из этого – из домашних заготовок, копеек пересчитанных и отдыха на даче у знакомых, не за просто так, а за то, чтобы она там все эти огурцы-помидоры и клубнику пропалывала, поливала, удобряла. Однажды у нас чайник сломался, так она разревелась, словно родственника потеряла. Чайник, блин, электрический. У нее подруга однажды заняла три тысячи и не отдала, так мама мучилась, наверное, полгода, прежде чем попросить обратно. А та удивилась, такая, говорит, это же такие копейки. Мама на нее раскричалась, чтобы та валила и больше никогда вообще не звонила. А они дружили еще со школы. Теперь вот не дружат. Что смотришь-то, а?

Я разозлилась, главным образом на саму себя, на неожиданное признание и на то, как я, на самом деле, ненавижу даже мысль, что и у меня ничего не выйдет. Страшный сон, кошмар, от которого я просыпалась в холодном поту. У меня

ничего не получится, и мама будет вечно рыдать над сломанным чайником.

- А отец? - спросил вдруг Митя.

Вопрос вдруг оглушил меня, словно удар, словно пощечина. Я нехорошо улыбнулась и сощурилась.

- А что отец? Отец-то тут при чем? Понимаешь, ведь он ей никогда ничего не обещал. Он вообще-то считает, что я - не его дочь.

- Господи, это-то почему? - опешил Митя.

- Да потому, что так удобнее, как ты не понимаешь? Если я не его дочь, значит, он меня и не бросал. Никто не хочет жить с грузом вины, никто не хочет бросать ребенка. Кто-то может просто об этом не думать, кому-то удастся найти другие оправдания, а нашему с мамой женатому козлу комфортнее жилось с мыслью, что его, бедного, обманули и обидели и ребеночек не его. Правда, ДНК-тест делать не стал. Хотел, даже требовал, кричал на мать, когда та пришла с ним говорить обо мне. Она ему тогда сказала: делай любые тесты, только давай помогай. С женой помирился, она тебя простила - понимаю, поздравляю, молодец. Разбивать ячейку общества не буду. Но дочь... В общем, до тестов дело так и не дошло.

- А в суд? - поинтересовался Митя.

- Да не пошла мать в суд. Она растерялась, знаешь. Она у меня ранимая, как эта... Русалочка, будь она неладна. Я-то не знала этого ничего, она все детство рассказывала, что отец умер, чтобы я, значит, росла полноценной. А я думала, почему у меня нет даже фотографий, почему нет могилы, бабушки-дедушки нет. Наверное, шестым чувством я уже догадывалась, что все куда банальнее, но не спрашивала. Русалочки - их лучше не спрашивать, они, чуть что, в пену превращаются. Ты понимаешь, она ведь - золото. Она поблекла, потухла от всего этого, ее бы протереть с нашатырем, бриллиантов бы, она бы засияла. У меня детство было - как перина из облаков, понимаешь? Я не представляю, как он мог ее бросить! Но еще больше меня бесит, что после всех этих лет, сидя в поликлинике на этих чертовых картах, она все равно продолжает витать в облаках и ждать прекрасного принца на коне и с запылившейся тужелькой. Ассоль, блин. Да в мире не хватит красной парусины на всех Ассолей.

- Ты не веришь в любовь? - спросил он серьезно, без шуток, с каким-то даже одобрением.

Неудивительно, учитывая, что его только что бросила девушка, невеста, которая изменила ему и как бы случайно прислала свои фотографии, сделанные другим мужчиной.

- Почему не верю? - усмехнулась я. - Очень даже верю. Только нужно при этом и головой немножко думать, знаешь ли. Не стоит верить в сказки. Я - за то, чтобы любовь приносила пользу, стабильность и благополучие. Если вдуматься, не так уж удобно ходить в хрустальных туфельках. Сам подумай, какие они будут жесткие, как кандалы.

- Знаешь, это даже странно, - произнес вдруг он после длинной паузы.

- Что странно? - удивилась я. - Хрустальные туфли? Это да.

- Что ты сказала... вот это. Что больше всего боишься прожить жизнь, как твоя мать.

- Почему странно?

- Я меньше всего хочу походить на моего отца, - ответил он и нахмурился, словно увидел на горизонте растущий ядерный гриб.

- А что не так с твоим отцом?

- Все не так с моим отцом, - зло ответил Митя, и я решила, что знаю, о чем он говорит.

- Он от вас тоже ушел? - спросила я.

Людям свойственно верить в то, что их беды - общие беды и их страдания разделяют остальные. Впрочем, оттого что мой отец меня не признал, я никогда особенно не страдала.

- Ушел? – холодно усмехнулся Митя. – Только не так быстро, как хотелось бы.

- В смысле? – искренне поразила я формулировке.

- Неважно. Да, он ушел – и слава богу.

- Почему – слава богу?

- Потому. Слушай, не надо. Я вообще не хочу о нем говорить, – он поднялся и потянулся за бутылкой, в которой осталось чуть меньше половины. – Я с ним не общаюсь и не собираюсь. И плевать хотел на то, как он живет. Знаешь, когда люди говорят, что родителей не выбирают, они обычно имеют в виду, что с ними как-нибудь не так обращались, обижали, не покупали машинку. Но я имею в виду набор генов, которые мы получаем от них, от родителей. Что бы ты ни делал, как бы ни старался, от родительских генов не избавиться.

- Многие бы хотели, знаешь ли, такие гены. Серые глаза, высокий, улыбка, как у кинозвезды с похмелья.

- За комплимент, конечно, спасибо, но я не об этой же ерунде! – с сарказмом бросил он, и я нахмурилась.

Вдруг молнией мелькнула мысль – болезни. Генетические мутации. Что-то не так с генами.

- Если бы у меня были сомнения, я бы, знаешь, сделал тест ДНК, но только я похож на него как две капли воды, и это не самая плохая внешность на свете. Но ведь такое сходство – оно же не может быть только внешним. Значит, даже если я этого не ощущаю, у меня такое же внутреннее устройство, как у него. Я мыслю так же, в моем мозгу нейроны бегают по тем же линейкам, решения я буду принимать такие же и испытывать чувства так же, как и он. Я могу бороться с этим, но нельзя победить свою ДНК.

- Ты его ненавидишь, – тихо сказала я.

Митины серые глаза вспыхнули. Он посмотрел на меня, словно хотел что-то рассказать, но не смог. Замотал головой.

- Ненавижу? Да, конечно. Еще одна эмоция, которой не избежать. Впрочем, наверное, мы все кого-то ненавидим. Ты - свою мать.

- Нет, ты что! Ни в коем случае. Я не ненавижу, я люблю ее и еще больше жалею. Не в хорошем смысле, потому что жалость - всегда скрытое презрение, а ненависть - честная и прямая... как пояс шахида.

- Думаешь, так лучше? - с сомнением спросил он, сосредоточенно глядя вдаль, словно высматривал себе добычу среди крон монастырского парка.

- Ну, по крайней мере, в этом нет ничего высокомерного, - пожала плечами я.

Митя повернулся ко мне и, словно желая подвести итог, бросил:

- Высокомерие - не проблема. Жалеть все-таки лучше. Это значит, ты желаешь ей добра. Хотя по-другому и быть не может, ты же девочка, а девочки по определению добрее и отходчивее. Они верят в любовь. Все девочки на свете.

- А ты что же, теперь не веришь? Поэтому-то и чуть не женился! - рассмеялась я, послушно обойдя неприятную для него тему.

Он машинально, незаметно для самого себя размеренно стучал кулаком по крыше, словно отбивая ритм на барабане ханг.

- Не, я-то как раз верю. Я-то как раз знаю, что это такое - настоящая любовь. Не дай бог, это как проклятие. И ничем не снимешь, никакими обрядами. Человек слепнет, глохнет, теряет разум и даже инстинкты - даже самосохранение больше не работает.

- Лариска этого не стоит, - сказала я с жаром, так меня потрясли его слова.

Митя обернулся ко мне, облизнул губы, а затем кивнул.

- Лариска - да. Это я так, решил поиграть с судьбой. Больше не буду, - ответил он коротко и сухо. - После сегодняшнего дня - уж точно. Теперь я дурак ученый.

Я отвернулась, отвела взгляд, словно воришка, пойманный с поличным, а затем встала и принялась ходить по крыше, просто, чтобы куда-то деть эту злую энергию. Злость всегда дает силы, подталкивает, мотивирует – меня, по крайней мере. Я от этой злости окончила школу с золотой медалью, поступила сама, без репетиторов, в один из лучших институтов страны, в блатной институт. От этой злости я, бессовестная, нажала на кнопку «Отправить» в компьютере моей хорошей подруги Ларисы Шулиной.

Это были ее фотографии, да, но не она, а я отправила их Мите Ласточкину. Это не она, а я разбила ему сердце. Я проложила бикфордов шнур и подожгла запал. Лариса, моя беспечная и чуждая подозрений стрекоза, моя бесстыдная распутница, жаждущая познать жизнь – всю и сразу, – бесспорно, была виновна, но именно я приговорила ее несостоявшийся брак и привела приговор в исполнение. Утром того дня я зашла в ее комнату. Лариса оставила компьютер включенным, на экране висел «превьюшка» письма с прикрепленными фривольными фото, но адресатом был тот, другой. Уж не знаю, какая срочная необходимость заставила ее бросить столь интимное письмо и уйти, но только ее обнаженные фотографии висели «иконками» на экране, и какими бы мелкими они ни были, я сразу поняла, что это. Меня бросило в краску. Я знала, что Лариса изменяет жениху. Знала с кем. Знала, насколько ей – Ларисе – наплевать на всех, кроме себя.

И простое, как все гениальное, решение обожгла меня. Отправить письмо – и, возможно, мне не придется переезжать. Лариса, наверняка, даже не поймет, решит, что сама это сделала – случайно, пока болтала с кем-то по телефону. Может быть, даже с тем же Ласточкиным. И возможно, уже вечером я буду утешать рыдающую Ларису, которая уже на следующий день забудет своего Ласточкина и найдет десяток других таких же. Все равно (отчетливо и громко в моей голове прозвучало в моей голове) она все равно бы стала ему плохой женой...

Оправдывает ли меня то, что «она все равно бы стала ему плохой женой» – правда? Имеет ли значение то, что Митя тогда был для меня пустым звуком, чем-то меньшим, чем человек, карточка на Ларискином столе? Я его не знала. Кто же станет думать о чувствах карточки на столе?

Я склонилась к экрану, провела пальцами по клавиатуре, задержала дыхание, затем после короткой паузы стерла адрес Ларискиного любовника и ввела

наугад три буквы. Л-А-С. База данных нашла соответствие, на самом деле три соответствия, которые высветились выпадающим меню: vlasov_1979@citylink.ru, classica.olga@a-online.com и, наконец, lastochkin@bmstu.ru

Это была случайность. Его адрес и его фамилия, сразу появившиеся, найденные так легко. А потом – нажать на «отправить». Секундное дело. Маленькая сделка с совестью. Нечто, совершенно невозможное для моей мамы. Это заняло у меня не дольше, чем один вдох. Видимо, я все же пошла не в нее.

Глава 4

Они жили долго и несчастливо

Не так уж сложно поймать слона и посадить его в клетку. Дело не в том, что слон большой, а человек маленький. У слона проблема, потому что человек умнее. Человек знает, сколько будет E , умноженное на MC в квадрате. Человек может подобрать нужные бревна, сделать правильный забор и запереть слона надежно и с гарантией, а потом, если нужно, замаскировать это место, забыть дорогу, замести следы. Я замуровала слона в темном подземном склепе: я ничего не сказала Мите. Не видела в этом нужды. Это ровным счетом ничего бы не изменило. Это не стерло бы Ларисиной измены, это не вернуло бы Митину утраченную веру в любовь. В тот день Митя Ласточкин стал мужчиной в том единственном смысле, в котором это возможно. В этот день, day zero, он стал думать только о себе.

Утром тридцать первого мая, day one, мы проснулись в квартире вместе – в моей малюсенькой комнатке, на моей постели. Ничего такого, просто он – Митя – не хотел или не мог находиться в Ларисиной комнате, так что ближе к утру мы, пьяные и шатающиеся от усталости, спустились с небес на мою узкую продавленную полуторку, ради сохранения которой я принесла в жертву Митину любовь.

Я проснулась от того, что тяжелая мужская рука легла на мое плечо. Солнце безуспешно пыталось пробиться сквозь плотную рыжую занавеску. Я приоткрыла глаза, удивленная этим странным, непривычным ощущением. Почти объятие, которое я украла у своей подруги. Но мне не было стыдно, потому что

она все равно его не заслуживала. Я приподняла голову и повернулась: мне было любопытно. Маленький эксперимент, фантазия семнадцатилетней девчонки, для которой любой мужчина рядом – возможный, потенциальный «он».

Митя вертел во сне головой и что-то бормотал – что именно, я так и не смогла понять. Он лежал на спине, раскинувшись как птица. Его лицо было расслабленным и спокойным, даже равнодушным и каким-то странно невинным. Хороший парень. Хорошим парням никогда не везет. На секунду я представила, что это мне, а не Ларисе он сделал предложение и у нас с ним скоро будет свадьба. Представила, что мы будем просыпаться вот так, вместе – не в одежде, а голыми – много лет, день за днем, год за годом. Мы привыкнем к этой наготы, она перестанет шокировать нас, вызывать прилив крови к низу живота, и будем скучать по терпкой остроте чувств. Но будем вместе все равно, потому что любовь – это больше, чем бабочки в животе.

Я примерила на нас будущее, как примеряют платье, и оно не подошло. Не мой фасон, простоватое, слишком незатейливое, ситцевое счастье.

Аккуратно, чтобы не разбудить Митю, я подалась к краю, выскользнула из-под его словно налитой свинцом руки. Спящие мужчины такие тяжелые. Даже не представляю, как сестры милосердия вытаскивали с поля боя потерявших сознание солдат. Неподъемная тяжесть. Я села на край кровати, поправила футболку, подумала, что нужно принять душ. Дыхнула себе в ладонь – ужас, вчера зубы не чистила, да еще этот чертов джин с тоником. Что-то я забыла. Что-то важное. Ах да, переезд. Я уже должна была оказаться дома.

– Привет, – услышала я. Обернулась. Он лежал и смотрел на меня посветлевшими серыми глазами. Потом зевнул, приложив руку к губам, и потянулся. – Ну мы вчера и набрались. У тебя водички нет?

– Водички в доме полно, – пожала плечами я. – Тебе что, принести?

– А ты что, ангел во плоти? – хмыкнул он, а затем застонал и приложил ладонь ко лбу.

Я посмотрела на часы. Еще не было и девяти. Мы проспали часов пять. Вот почему моя голова словно ватой набита и каждый шаг дается с трудом! Я выбралась из комнаты, прошла на кухню, долго стояла, держа ладони под

струей холодной воды, – просто так, не думая, как настоящий буддийский просветленный в медитации. Полная пустота.

– Кхе-кхе. Так, значит? Помирать буду – стакана воды не дождусь? – Митя улыбался, прислонившись к дверному косяку.

– Пожалуйста, вот. – Я отошла от крана. – Ни в чем себе не отказывай. Воды, что ли, жалко?

– Эх, водичка, – и он склонился к живительной струе.

Мы долго сидели в кухне молча, не испытывая ни малейшей потребности в разговорах. Потом он спросил, нет ли у нас яиц, и я не совсем поняла, что он имеет в виду, когда говорит «у нас». Не поняла – но не стала переспрашивать, шестым чувством почуяв, что сейчас не время уточнять. Ни у кого нет ответов, но есть последние четыре яйца – не мои, Ларискины, и есть хлеб, совсем немного, и луковица, которую можно пожарить.

Лариса вернулась через неделю. Официальная версия – забрать вещи. В квартире почти ничего не изменилось, за исключением того, что Митя перевез из общежития три пакета с вещами, да так пока и не разобрал. Он был занят, сессия, практика, к тому же нашел себе подработку, делал кому-то из института чертежи, так что пакеты так и стояли в коридоре. Он доставал из них очередную чистую футболку и исчезал до вечера.

Я почти не видела его, а он – меня, и нас обоих это, кажется, абсолютно устраивало. Во всяком случае, никто ничего не хотел выяснять. Разве не это называется «жить сегодняшним днем»?

Лариса, едва зайдя в квартиру, все испортила.

– Сонька? Ты разве не уехала? Ты же должна была уже уехать, разве нет? – сказала она вместо «здрассте», разглядывая меня как неожиданное неприятное пятно на светлых обоях.

Я моментально ошетибилась.

- А тебе какое дело?

- Какое мне дело? Вообще-то мы говорим о моем женихе!

- О твоём бывшем женихе, не так ли? - вставила я справедливости ради.

Тут Лариску заклинило. Она смотрела на меня как на таракана, по которому никак не может попасть тапкой. Столько уверенности в себе - и это после того, как ее нагие фотографии оказались выставлены на всеобщее обозрение.

- Бывший он или нет - тебя не касается.

- Мириться будете? Не думаю, что это хорошая идея. Впрочем, как хочешь.

- Ты мне советы даешь? - изумленно переспросила она и замолчала.

Лариса сверлила меня взглядом, задумчиво прикидывая, что именно может означать мое присутствие. Вывод был очевидным, хотя и неверным.

- Значит, ты решила занять мое место?

- И как ты пришла к такому выводу? Потрясающая пронизательность восьмидесятого уровня. На твоём месте мне не усидеть, Лара, - отбрила ее я. - Что ты хочешь услышать? Какое тебе вообще до меня дело? Ты пришла мириться? Вот иди и мирись.

- Ты ничего не знаешь обо мне и о том, почему и что я сделала! - выпалила она явно заранее заученную фразу.

- Вот и говори все это Мите.

- Мите, значит, - повторила за мной она. - Мите? Уже зовешь его Митей? Ничего себе, ты шустрая. И что было между вами? Почему ты вообще все еще тут? Ты с ним спала?

- Не мели чушь, - сощурилась я.

– Только не рассказывай, что между вами ничего нет. Я же вижу! Это сразу видно по тому, как ты смотришь.

– Как? Как я смотрю? – искренне не поняла я.

– Как хозяйка! – выкрикнула она и, оттолкнув меня, пошла дальше, в глубь квартиры.

Я же подумала, что, по чести, «ничего нет» – именно то, что можно сказать про наши отношения с Митей. Да и отношениями-то это не назовешь. Мы просто приходили в одно и то же место, потому что у нас обоих были от него ключи и потому что мы никак не мешали друг другу. Ничего нет. Только вечерний поздний чай или бутылочка пива с сушеной рыбой. Только просьба ответить на звонок, если вдруг позвонят из деканата. Митя решил переселиться в квартиру, поскольку он все равно за нее уже заплатил, – во всяком случае, за июнь, а там видно будет. Лучше, чем в общежитии. Да и ненамного дороже, учитывая, что я была готова продолжать платить свою долю. Соседка по квартире. Аккуратная. Тихая. Прихожу не поздно. Всегда мою за собой посуду. Мужчин в квартиру не вожу. Серьезная, настроена на учебу. Своевременную оплату гарантирую. Без вредных привычек, если не считать умения делать подлости. Хотя это скорее полезная привычка.

– Не нужно только врать! – кричала Лариска Мите в лицо, хотя они как бы разошлись и она, на секундочку, изменяла ему, в том числе и всю эту неделю, со своим аспирантом. – Я вижу тебя насквозь! Ты такой же, как и все остальные! Сколько времени тебе понадобилось, чтобы утешиться? В тот же вечер решил с ней связаться?

– Я не собираюсь тебе отвечать, – отвечал он тихо и твердо. Лицо его было бледное, закрытое, как окно с деревянными ставнями. – Я только хочу, чтобы ты забрала свои вещи и ушла.

– Быстро же ты пережил наше расставание! – не унималась она, взбешенная его спокойствием. Она бы предпочла, чтобы он кричал, чтобы попытался повеситься из-за нее, чтобы дышать без нее не мог.

– Оставь нам ключи.

– Нам? Кому это – нам?

– Нам с Соней.

Это невинное местоимение, употребленное, я уверена, случайно, второй раз заставило меня вздрогнуть и едва заметно улыбнуться.

Лариса запылала, как горящий сарай с сеном. Бегала по квартире, хлопала дверьми, демонстративно выкидывала все из шкафов на пол и кричала. Она была очень громкой, слова вылетали из нее пулеметной очередью, но отчего-то куда большее впечатление произвели на меня не ее крики, а Митино молчание. Я стояла в своей комнате, спиной к стене, так чтобы меня не было видно даже при открытой двери, и думала, смогла ли бы я вот так же молчать, слушая человека, разрушившего мои мечты всего неделю назад. Сколько же нужно самообладания, чтобы не задать ни одного вопроса, зная, что, возможно, потом уже не будет шанса спросить. Почему ты так поступила? О чем ты думала? Как ты могла! Что это было – простое увлечение или что-то серьезное? Ты любила меня или обманывала? Все эти бессмысленные вопросы, но ведь устоять же невозможно.

Он устоял.

Он замер на кухне и, когда Лариса швырнула ему в спину ключи, смотрел в окно. Даже не повернулся, так и стоял со сжатыми кулаками и стиснутыми зубами, просто ждал. Одного взгляда на его высокую, ровную – словно палку проглотил – фигуру хватало, чтобы понять, что между ним и Ларисой все кончено. Никаких мостов, все взорваны. Никакие слова, никакие обещания, никакие просьбы о прощении не помогут.

К такому Лариса не была готова: она растерялась и заметалась среди разбросанных вещей. Заговорила со мной вместо Мити просто потому, что через меня можно было пробиться. Я не бронированная.

– Ну что ж, Софочка, будьте счастливы с моим Митенькой, – сказала она громко, встав напротив меня. И назвала меня так, только чтобы взбесить, задеть, ранить. – Оставляю его в твоих неожиданно цепких ручках. Береги его, не обижай.

- Как ты обижала? - не удержалась, спросила я.

Лариса раскрыла было рот, потом захлопнула и посмотрела на меня с ненавистью зверя, застрявшего одной лапой в капкане.

- Не суди да не судима будешь! - выпалила она с пафосом, достойным проповедника средневековой инквизиции. - Ты ничего не понимаешь.

- Ты тоже, - парировала я. - Я тебе сказала: ничего нет. Не знаю, какое тебе дело, но я собиралась уехать, честно, собиралась. Просто вышло, что я осталась. Но ничего не было.

- Я тебе не верю, - огрызнулась она.

- Не веришь? Почему? - Я совершенно искренне удивилась ее реакции, как потом и реакции всех, кто реагировал так же на наше «ничего нет» и «мы просто друзья». Дескать, ага, рассказывайте, они просто друзья, видали мы таких друзей.

- Да потому что ты лгунья, вот почему! Тебе соврать ведь ничего не стоит.

- Ты уверена, Лариса, что говоришь обо мне?

Я ждала, когда кончится этот спектакль, а еще боялась, что ее непробиваемая уверенность в себе, агрессия и красота возьмут свое, и Митя тоже начнет кричать, доказывать что-то, обвинять - а затем прощать. Как по мне, это было бы логичным развитием событий.

Но нет, только не когда речь идет о Мите. Когда он увидел, что ураган по имени Лариса накрывает квартиру на восьмом, последнем этаже, он молча зашел ко мне в комнату и вывел меня из эпицентра - за руку.

- Когда закончишь, просто захлопни дверь, - сказал он, проводя меня мимо задыхавшейся от эмоций Ларисы, так и оставшейся Шулиной.

На лавочке в монастырском кладбище, на скамейке в вагоне метро, перед телевизором, за просмотром «Властелина колец», который уже сто лет как прошел, а я так и не видела. Мы гуляли весь день и ни разу, ни словом, ни жестом не упомянули Ларису. С того дня ее словно не стало, она растворилась для нас в вечерней июньской дымке, Митя развеял ее след несколькими взмахами широкой ладони.

Потом она много говорила о нас в институте, рассказывала обо мне, о том, как я разлучила их, как развалила их свадьбу, как помешала их счастью, и много еще чего о том, какие мы с ее Митей «просто друзья». И была не права во всем, кроме двух вещей. Первая – я действительно была лгуньей. Вторая – пути господни неисповедимы, я добилась своей цели. Не так, как планировала, но все-таки осталась в этой квартире.

Глава 5

Хороший мужик долго один не будет

Поразительно: мы привыкли друг к другу настолько быстро, что и вспомнить не могли, что было как-то иначе. Мы так хорошо подстроились к привычкам и особенностям соседа, что стали понимать друг друга без слов. Мы часто завтракали вместе, я уже знала, что Митя терпеть не может чеснок и способен учуять его в любом блюде, он же специально выбирал и покупал кофе, который не кислил, потому что я ненавидела кислый кофе. Мелкие любезности, простая вежливость. Я оплачивала счета, он выносил мусор. Я выливала кипяток в стеклянный кувшин, чтобы остыл. Митя приносил почту. Идиллия. Соседи по квартире как попутчики в одном купе поезда – мы просто вместе ехали в будущее и не видели особенного смысла в том, чтобы что-то скрывать друг от друга. Отчасти как раз из-за того, что оставались друг другу немного чужими, мы становились все ближе и ближе.

– Почему с другими женщинами не может быть так же, как с тобой? – спрашивал Митя у меня после скандала, устроенного его очередной пассией.

– Потому что только я по-настоящему люблю тебя, так, как никто и никогда не будет любить, – отвечала я, усмехаясь и помешивая шипящие в сковородке

грибы-вешенки, которые мы оба любили за дешевизну и доступность. Я – потому что у меня вечно не было лишних или даже необходимых денег. Он – потому что решил исполнить свою мечту.

– Раз уж мне не нужно тратить на свадьбу, куплю мотоцикл, – объяснял он. – В конце концов, теперь я ни перед кем не должен отчитываться.

– Но разве нет каких-то других вещей, более полезных? – искренне удивлялась я.

Митя смотрел на меня почти с сочувствием.

– Все-таки ты прирожденный бухгалтер, Соня, ты все и всегда измеряешь пользой.

– И что такого? И не бухгалтер, а экономист! Но твоя мечта – это же полный абсурд. Зачем тебе мотоцикл? Купи лучше машину, это ненамного дороже, но куда более практично.

– Практично? – смеялся он. – Можно поехать в «Ашан» за продуктами, да? Я одинокий мужчина с разбитым сердцем, главная мечта которого – построить космический корабль и улететь с этой планеты. А пока что я хочу летать на мотоцикле и не ходить в армию. Неужели это выглядит таким непрактичным?

– Я понимаю, почему ты не хочешь в армию, – пробормотала я. – Никто не хочет в армию, это нормально, хотя один год – это не так уж и много.

– Хорошо тебе говорить! К тому же зачем? – возразил он. – Не пойми меня неправильно, я очень даже готов отдавать Родине долги. Я вообще-то собираюсь поднимать отечественный космос. Но, к примеру, чистить картошку или таскать целый год какую-нибудь бобину с кабелем на пару тонн и заработать грыжу – нет, спасибо. Я лучше буду учиться, а потом поступлю в аспирантуру.

– И улетишь с этой планеты? – рассмеялась я. – На мотоцикле?!

Если уж Митя Ласточкин вбивал себе что-то в голову, никакими молотками оттуда это было не выбить. Новая жизнь – так он сказал. Тринадцатого июля, в день своего двадцатилетия, он приволок нового «друга», японского «коня», на

покупку которого отдал почти все деньги, предназначавшиеся на свадьбу. Почти – потому что небольшая часть ушла на покупку сбри. Любитель глупых дешевых эффектов, он позвонил в домофон и потребовал, чтобы я спустилась вниз. В этот момент я только закончила «шубу», были руки, красные от свеклы, и хотелось пить – перебрала с «попробовать селедку». Но Митя был настойчив, и, когда я не появилась у подъезда через пять минут, он принялся звонить снова.

– Господи боже мой! – только и смогла выдавить я, когда напротив подъезда я увидела его – всадника Апокалипсиса.

В черном шлеме, в черной кожаной куртке с красными вставками-молниями и таких же жестких черных кожаных штанах. Он гордо восседал на остроносом скоростном мотоцикле, тоже черном и тоже с красными полосками на сиденье и крыльях.

– Ну что, прокатить тебя с ветерком? – спросил Митя, поднимая зеркальную створку шлема. Его серые глаза блестели и искрились от счастья.

– Только через мой труп, – отрезала я. – Что вполне может случиться со мной прямо в процессе езды. Господи, как ты не боишься на нем ездить?

– О чем вы, девушка?! Обидно прямо. Я ездил на мопедах и мотоциклах с тех пор, как пошел в школу. Даже не сомневайся, уж что-что, а водить мотоцикл я умею.

– Я не сомневаюсь, но я ни за что на него не сяду, – замотала головой я. – Впрочем, не могу не признать, смотрится все это...

– Как? – улынулся он. – Ну, говори: как? Похож я на «беспечного ангела»?

– Митя, если ты и похож на кого-то, так точно не на ангела, – покачала головой я. – Скорее на дьявола-искусителя, если уж на то пошло.

– Что ж... уже неплохо, – усмехнулся он, снимая шлем. – Держитесь, невинные девушки, я уже близко!

Беспечный ангел. Песня уже несколько лет гремела по стране, сводила с ума, порождая новых доморощенных мотоциклистов, хотя почти никто из них не знал, что это кавер на другую песню. Никто, кроме Мити Ласточкина, конечно. Он нашел обе записи, и однажды мы потратили целый вечер, слушая и сравнивая обе версии. Даже притащил откуда-то английский текст, чтобы можно было сравнивать строчку за строчкой. Мне лично больше понравилась русская версия, была душевнее, что ли. Больше подходила ему – новому Митьке, бесшабашному прожигателю жизни, любителю странствий и умопомрачительных романов, сгоравших за один вечер. За тот год он изменился до неузнаваемости, и к следующему лету от того раздавленного горем бледного мужчины, которого я увидела на кухне, ничего не осталось. Волосы стали длиннее, а глаза ярче. На плече появилась татуировка – череп в мотоциклетном шлеме. Как Митька сказал, «для девчонок». Еще больше вытянулся, появился пресс. Он улыбался так зажигательно, так беспечно, что, если бы я не знала его так хорошо, я бы сказала, что он все давно забыл.

Я, конечно, говорю о Ларисе.

В каком-то смысле да, он ее забыл, но вместе с нею он забыл и о себе. Он произвел замену, но теперь он настолько вжился в новую версию, что старая словно исчезла. Митя расслабился, на все «забил», стал увереннее в себе. Таким он нравился, девушки влюблялись в него, четко подтверждая правило «чем меньше девушку мы любим». Конечно, мотоцикл тоже помогал, девушки слетались как мотыльки, а Митька словно дьявол-искуситель ждал их у пропасти, чтобы подтолкнуть туда и помахать ручкой.

– Ты мстишь всему роду Евы! – возмущалась я, когда, в очередное воскресное утро была разбужена криками скандала.

– Я никому не мщу, и я никому не принадлежу, понимаешь?

– Ты смотришь на них чистыми серыми глазами, говоришь о свободе, а они просто хотят семьи и детей, как ты не понимаешь, рокер проклятый!

– Семья – это не для меня, ты знаешь, я хочу строить космические корабли. Это большое счастье, что я тогда не женился, – отвечал он и предлагал мне сварить пельмени.

Он варил их по-своему, с каким-то специфическим набором трав и специй, а затем дожаривал на раскаленной сковородке. Он готовил все лучше, словно репетировал холостую жизнь.

Я только махала рукой и шла есть пельмени. Его девушки стали частью нашей жизни. Он приводил их в дом, они появлялись в квартире без предупреждения, я сталкивалась с ними на кухне, я находила их в ванной комнате, в туалете, на лестничной площадке – часто в слезах. Некоторых я успокаивала, заваривала им чай, выслушивала несвязные, зачастую такие одинаковые истории. Это всегда было «какое-то сумасшествие», нечто невероятное, такое, чего никогда до этого с ними не случалось. Они говорили про Митю так, словно он был звездой – музыкантом или актером. Они уверяли меня, что Митя сам не понимает, что творит. Они уверяли, что любят его по-настоящему. Они были готовы ждать его, сидя на табуретке в нашей кухне. Они находили Митю безупречно красивым, неотразимым, притягательным в этом его образе безбашенного странника на тяжелом скоростном коне. Они его не боялись, мечтали полетать с Митей по ночной Москве. Когда я говорила, что мы с ним – просто друзья, девушки тоже, конечно, мне не верили. Не верили, потому что это казалось им противоестественным.

Как раз летом, в начале июня, я пришла домой. Около нашего подъезда стояла «Скорая помощь». Митька стоял у подъезда, курил и ругался с доктором, требуя, чтобы «Скорая» забрала девушку, которая стояла на краешке крыши от выступающего подъезда.

– Она сумасшедшая, забирайте ее. Вы обязаны! – возмущался Митя. – Я не намерен с ней разбираться. Я вообще не понимаю, с чего она решила кончать с собой в моем подъезде. Подъездов, что ли, мало?

– Она сказала, что беременна, – пожал плечами невозмутимый доктор, даже не удивляясь Митиной реакции.

– И кто кончает с собой, прыгая с подъезда? Слезай оттуда, слышишь? – кричал Митя ей. – Ничего ты не беременна!

– Откуда ты знаешь? – отвечала вполне адекватная девушка, осторожно выглядывая с крыши.

Я с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Глупо, конечно, и жестоко, но что поделывать.

- Митька, ты доигрался. Теперь давай женись.

- Ни черта она не беременна, - посмотрел на меня Митя, словно оправдываясь. - А если и беременна - это не мои проблемы. Я ее вообще видел пару раз в жизни, откуда я знаю, от кого она беременна?

- Но ты же приводил ее к нам? - спросила я.

Митька посмотрел на меня как на предателя. Доктор слушал нас с непроницаемым выражением лица; понятно, чего он только не видел в жизни. Митино раздраженное равнодушие, признаюсь, смотрелось жестко. Настоящий сукин сын.

В конце концов доктор сплюнул и, повернувшись к Мите, сказал холодно и четко:

- Значит, считаешь, мы должны ее забрать? В сумасшедший дом хочешь ее запихнуть?

- Ничего он не хочет. Сейчас я с нею поговорю, - поспешила я.

- А вы кто? - устало спросил доктор из «Скорой».

Усталая после долгого дня в институте, я покачала головой и сказала - в который уже раз:

- Я - сестра.

- Сестра милосердия?

Врач не улыбнулся, только пристально посмотрел на меня, а затем кивнул. Какого черта он будет возражать. Сестра - и ладно. Мы двоюродные. Троюродные. В конце концов, мы все тут, на земле, немножко родня друг другу, разве нет?

Я поднялась на второй с половиной этаж, выбралась на скользкую крышу – пошел противный морозящий дождик. Только этого не хватало.

– Не подходи! Слышишь, я спрыгну, – предупредила меня девушка.

Я кивнула и вылезла все равно. Подошла – не к ней, а села рядом на покрытый черным рубероидом край. Она смотрела на меня с подозрением.

– Как тебя зовут, а?

– Маша, – ответила она.

– А я – София. Слушай, он не стоит того. Правда, не стоит.

– Тебе не понять, – зло процедила девчушка.

Я устало вздохнула. Конечно, мне не понять, что с ними всеми происходит, отчего для них Митька становится смыслом жизни. Ну, обаятельный, ну, в кожаных штанах, ну шутить умеет. Сукин сын.

– Ты правда беременна? – спросила я.

Маша не ответила, и я с пониманием кивнула. Тогда она посмотрела на меня с вызовом, словно я была виновата, что Маша не беременна.

– Он меня даже не бросил, просто перестал звонить.

– Понимаю, – кивнула я.

– А ты что, правда, его сестра? – спросила она с недоверием.

Я кивнула – зачем же разочаровывать девушку, которая все равно исчезнет навечно. Маша достала пачку сигарет и закурила. Внизу Митя подписывал какие-то бумаги, чтобы врачи могли уехать. А мне вдруг стало интересно, что было бы, если бы Маша все-таки оказалась беременной. Ведь беременеют люди, случается же такое? Бросил бы мой Митька беременную дуреху Машу,

влюбленную даже не в самого Митю – она понятия о нем не имела, – а в мечту о будущем вместе с ним? Я думала, что нет, не бросил бы, но с остальными другими людьми он был переменчив, как ветер, словно пытаюсь доказать миру – и самому себе, – что полагаться на него ни в коем случае не стоит.

Позже мы достаточно часто говорили людям, что мы – брат и сестра, чтобы от нас отстали. Нам не верили. Даже моя мама в какой-то момент начала обижаться и требовать привезти Митю Ласточкина к нам в Солнечногорск.

– Зачем, мама? – раздражалась я.

– Ты что, стесняешься меня, что ли? Не хочешь знакомить со своим парнем? – хмурилась она.

Митя смеялся и говорил, что нужно поехать и познакомиться, хотя бы для того, чтобы мама от меня отстала. А потом поехать в Ярославль и познакомиться с его мамой – на Рождество. Чтобы та наконец поверила, что мы с ним просто друзья.

– Думаешь, получится убедить?

– Даже не знаю. Но попробовать стоит, – пожал плечами он.

Тогда я сказала, что поеду, если только он поможет мне с контрольной работой по теории вероятности и статистике. На это он усмехнулся и ответил, что вероятность подобного исхода – одна к сотне.

– Тогда я и знакомиться не поеду, – фыркнула я.

Контрольная работа была – моя самая большая головная боль; как бы я хотела свалить ее с больной головы на здоровую. Да я бы познакомилась с кем угодно ради этого. Жизнь студента-третьекурсника напоминала бесконечную лавину. Я убегала, оглядываясь, но чем быстрее бежала, тем больше и страшнее становилась лавина. Обычно все боятся, что их отчислят с первого курса. Все, но не я. Учеба, репетиторство, которым я подрабатывала, мотаясь по городу, продуктовые магазины со скидками, нужно было поменять проездной и сделать новый паспорт – старый Митя постирал, в кои-то веки решив порадовать меня и

помочь. Он просто подцепил все вещи, которые нашел на полу в моей комнате, и запихнул их в стирку. Результат – нужно ехать в Солнечногорск. Зима, сапоги с дыркой, но на это плевать. Хорошие сапоги и с дыркой хороши. Скоро весна, и можно будет носить кеды. А дырки на кедах – это не дырки, это мода. Однако проблем накопилось много, и я отчетливо помню, как буквально накануне подумала, что, если к моим проблемам прибавится еще хотя бы одна, я пойду, вылезу на крышу нашего крыльца и сделаю вид, что хочу покончить с собой. И тоже скажу Митьке, что беременна от него. Пусть разбирается. Пусть вызывает «Скорую», полицию и психиатричку. Я хотела в больницу, я хотела полежать спокойно, почитать книжку, покапать внутривенно витаминок. Я устала.

И конечно, проблема тут же прибыла. Буквально на следующий день.

Глава 6

Со старыми друзьями трудно конкурировать

Все началось почти так же, как с большинством Митиных девушек, – я наткнулась на него в подъезде. До Нового года оставалось всего ничего, и по подъезду уже витал аромат салата оливье, угадывался на улице и по всей стране. Около метро продавали красивые мертвые елки. Снега было так много, что я замучилась сушить обувь. Мой плеер тоже пострадал от залетающего в карманы снега. Я страдала без плеера, а Митя страдал без своего мотоцикла, который спал в своей берлоге в гаражном кооперативе на Красносельской, и однажды привел домой на ночь сразу двух подвыпивших девушек одновременно. Это был новый рекорд. Митя словно пытался доказать кому-то (возможно, самому себе), что он мерзкий тип, подлец, искатель кайфа.

Может ли быть, что он и есть такой? Эдакий московский Бегбедер, любовь которого живет три дня?

«Проблема» сидела на ступеньках и, когда я вышла из узких дверей лифта, встала и посмотрела на меня пронзительно-голубыми глазами.

Я растерялась, онемела и стянула с головы уродливую вязаную шапку с длинными «ушами спаниеля». Проблема была мужчиной лет тридцати с чем-то и с такими глазами, взглядом которых легко можно выжигать слонов на деревянных досочках. Чистый небесный лазер. Я раскрыла рот и так и осталась стоять. Он ободряюще улыбнулся, словно знал о том разрушительном эффекте, который производил, и заранее извинялся за это.

– Вы, наверное, София? – спросил он.

От звука его голоса мой желудок сжался, словно меня ударили. Никогда не думала, что мое тело отреагирует на мужчину вот так, словно меня пнули ногой в живот. Я задохнулась, но заставила себя кивнуть. Белая горячка. Жар. Я заболела? Я приложила руку ко лбу. Потный лоб, а руки дрожат. Нет, нехорошо. И зачем, черт возьми, я надела эту идиотскую шапку-спаниельку? Почему именно сегодня, ведь не так уж и холодно. И вообще. Почему мне не наплевать? Обычно мне на все наплевать. Мне больше нравилось, когда мне на все наплевать.

Что это за черт с горы?

Он сделал шаг навстречу – худой и высокий, с идеально прямой осанкой, которую зарабатывают только спортсмены или какие-нибудь дворяне, которых с детства бьют палкой между лопаток, стоит им попробовать согнуться. Дорогое темно-синее пальто – сегодня так редко носят пальто, особенно мужчины. С двух сторон свисает чуть более светлый шарф.

Он знает мое имя. Кто он такое? Чей-то муж! Бинго!

Мужчина чуть развернулся, чтобы отряхнуть дорогие брюки от лестничной пыли. Он знает обо мне, но поводом для его визита может быть только Митька. Нехорошо, подумала я. Не к добру. Слишком он спокоен, слишком серьезен, чтобы это кончилось хорошо. Красивый, состоятельный, не из тех, кому, как это выражаются... «наставляют рога». Но Митя сам из таких же – гипнотических, бьющих в живот одним взглядом. Нашла коса на камень.

– Откуда вы меня знаете? – спросила я враждебно, изо всех сил культивируя в себе неприязнь. Готовься к бою...

– Мне про вас рассказывали, – ответил он вежливо и спокойно.

Рассказывали? Что могла его жена, пойманная на неверности, рассказывать обо мне? Что ничего не было? Что у Мити тоже есть жена – то есть я? Что они с Митей только друзья? Что этот мужчина, похожий на английского аристократа из романа, все не так понял, что она любит только его одного? Какая еще ложь могла прийти в голову жены, спасающей свою шкуру? Любая.

– Надеюсь, вы не верите всему, что вам говорят? – спросила я, и незнакомец улыбнулся.

Улыбка была еще хуже. Улыбка уверенного в себе, состоявшегося в жизни человека. Улыбка, с которой принимают награды и говорят речи. Улыбка человека, которого все любят.

– Мне ничего плохого про вас не говорили, – сказал он, а затем вдруг протянул руку: – Дмитрий Евгеньевич.

– Соня, – автоматически ответила я, забыв, что ему мое имя и так известно. Он протянул мне руку, теплая ладонь, крепкое рукопожатие. А затем я вдруг добавила: – София Олеговна.

– Очень приятно. – Его глаза смеялись. Он сжал мои пальцы. – София Олеговна.

– Мне тоже, – ответила я, пытаюсь делать вид, что это – только стандартная фигура речи.

Может, не муж? Слишком уж спокоен, никакого гнева. Тогда кто? Любовница? Вдруг этот статный мужчина пришел, чтобы подраться с Митькой из-за своей любовницы. Тогда интересно, кто победит? Митька моложе, но он не занимается собой, только зубрит свою аэродинамику и телеметрию и спит с девушками, что само по себе исключает здоровый укрепляющий сон. Дмитрий Евгеньевич лет на двадцать старше, но с такими же широкими плечами, с хорошей грудной мускулатурой, со спокойствием, которое приходит с возрастом. Умеет принимать решения. Если бы я ставила деньги – я бы поставила на него.

– Может быть, пройдем в квартиру? Чего же мы тут, у лифта разговариваем? – выговорил мой рот, и только потом я поняла, что проходить с незнакомцем в квартиру – последнее, что нужно было предлагать.

Что я делаю? Что хочу – то и делаю. А хочу я, чтобы мы прошли с ним в квартиру. Я хотела побыть с ним еще.

– Думаете, это будет уместно? – удивился он. – Димы же нет дома. Хотя, впрочем...

Мужчина задумчиво нахмурил лоб, а я опешила – не поняла, о каком Диме идет речь.

Впрочем, куда больше меня вдруг заинтересовало, как можно изменять и чего может не хватить, если у тебя – такой мужчина! И искорки от его глаз, когда улыбается – как лучи. Возраст? Наплевать. Впрочем, что я знаю о женщинах, которые летают вокруг света фар Митькиного мотоцикла, слетаются посидеть в его рубашке на краешке его кровати?

Митька!

– Давайте пройдем, может, даже так и лучше, потому что я как раз хотел поговорить с вами, – решил наконец он.

Я открыла дверь в квартиру, и мы зашли внутрь, в темноту прихожей, когда меня вдруг озарило. Нако-нец-то.

Митька. Дима! Все-таки пришла беда. Нельзя нам в квартиру. У нас там много острых, колюще-режущих предметов. Но мы уже стояли в прихожей.

– Да о чем можно со мной говорить? – Я вернула себе такую нужную в тот момент враждебность. – Я к его делам отношения не имею, вы поймите, я же за него не могу отвечать. Я понятия не имею, что у него в голове и что он натворит в следующую минуту.

– Для человека, который не имеет никакого отношения к Дмитрию, вы поразительно хорошо его знаете, – сказал он, стоя совсем рядом со мной в темноте.

Я щелкнула выключателем и тут же наткнулась на лазер его голубых глаз. Лучистые, смеются. Не злятся. И вдруг он расхохотался так заразительно, что я против воли заулыбалась. Гелий, летучий газ, от которого я, как Джейн Бэнкс из «Мэри Поппинс», подлетела под потолок. – Не волнуйтесь вы так, никаких проблем я вам не доставлю.

– Обещаете? – спросила я, и Дмитрий Евгеньевич покачал головой.

Я подумала: так обычно начинаются истории с самыми большими проблемами. Другими проблемами, о которых я пока даже не думала. Какое умное, интеллигентное лицо. Нет. Драки не будет.

– И кто вы ему будете, моя уважаемая София Олеговна?

– Кому?

– Дмитрию, – пояснил он суше.

Я прикусила губу, я не хотела бы об этом говорить.

– Я его сестра, – ответила я.

– Вы его сестра? – неожиданно оживился он. – Он же вроде Дмитрий Дмитриевич. А вы – София Олеговна, правильно же?

– Я – двоюродная, – упиралась я, но на всякий случай отвернулась.

Не стоит смотреть в лазерные глаза мужчин, когда говоришь заведомую ложь. Я оглядела прихожую. Нехорошо, бардак, и пыль, и разбросанные по полу сапоги и кроссовки.

– А я думал, вы его девушка, – продолжал он.

- Все так думают, но нет. На самом деле нет.

- На самом деле вы просто его двоюродная сестра. Живете с ним.

- Я учусь в Москве, а живу в другом городе. Митя... в смысле, Дима - он из Ярославля, так что было решено, что так будет правильно и выгодно, если мы будем снимать на двоих квартиру. Нам до обоих университетов отсюда недалеко, - я говорила и говорила под успокаивающее кивание Дмитрия Евгеньевича.

Он тихо слушал и улыбался.

- Не дорого тут снимать-то? Центр все-таки.

- Дорого, конечно, только нам повезло. У нас есть дальняя родственница, это ее квартира, так что она нам дала скидку. Не то чтобы большую, но по силам и, по крайней мере, цену не поднимает.

- Родственница? Не Аллочка ли? - спросил мужчина тоном вполне мирным и бытовым, но я ожидаемо захлопала ресницами.

Какая, к черту, Аллочка. О чем он, а?

И тут вдруг - бабах! - действительность прогрохотала взрывом, и мое здание подорвалось где-то в районе фундамента и теперь оседало вниз, в кратер грязными клубами пыли и цемента. Террористический акт. Я ошиблась, я все перепутала, я все поняла не так.

- Кто? - переспросила я осторожно.

- Аллочка? Она мне, как бы это сказать... не золовка, нет. Кума, наверное. Моя троюродная кузина, - сказал мужчина. Выстраивая в уме длинную и сложную цепочку из родственников, он водил по воздуху длинным пальцем, словно рисуя родовое древо. Я как-то сразу обмякла и побледнела, захотелось присесть. - А вы, значит, Димины сестра. - И он улыбнулся еще радостнее.

- Двоюродная, - пробормотала я.

– Понятное дело, – согласился он. – Учитывая, что ни у меня, ни у его мамы нет братьев и сестер, лучше сразу говорить всем, что троюродная, – и он пристально посмотрел на меня.

Я молчала, стараясь справиться с биением пульса в висках. Я поняла, кто передо мной, и поняла, что это не чей-то муж. Это – Митин отец. ОТЕЦ! Как сказал тогда Митя? «ДНК не выбирают». Значит, вот против ТАКИХ генов Митька протестует.

Псих, что ли? Да его отец – самый красивый, самый незабываемый из всех людей, что я видела на этой земле.

Да Митька недотягивает. Природа подшутила над ним. Он был похож на своего отца, как хорошая копия на уникальный шедевр, и я подумала: может, в этом все и дело? Может, это ревность? Тот же рост, та же осанка, тот же упрямый подбородок, но у Митинога отца черты лица выписаны с точностью и гармонией статуй Бернини, а Митю лепил жестокий в стремлении к правде Роден. Митины глаза – серые, тревожные, даже злые, как туча. Глаза его отца – удар молнии, голубое небо, познание всей бесконечности мира за один взгляд. Сын своего отца во всем, включая опасное животное обаяние. Если бы мне вдруг пришлось выбирать, я предала бы Митю – и трех раз не понадобилось бы, пошла бы за его отцом, как за дудочником из Гамельна – в секунду, не раздумывая, не терзаясь муками совести. Я уверена, и за это Митя тоже неосознанно ненавидел отца.

– Скажите хоть что-то, – попросил Дмитрий Евгеньевич. – В конце концов, я вовсе не хотел вас напугать. Просто решил прояснить этот вопрос, чтобы не ставить в неловкое положение. Ну что вы побледнели, словно я – демон из преисподней?

Я была совершенно не готова к такой встрече.

– Дмитрий... Евгеньевич, я не знаю, что сказать. – Мой голос ломался и трескался.

– Ну и ничего не говорите, я сам вам скажу все, что нужно.

Он повесил пальто на вешалку, помог мне снять пуховик, провел на кухню, поставил чайник. Я безмолвно наблюдала за этим захватом власти и тихо радовалась, что мне не нужно ничего делать или говорить.

Чайник зашумел, а Дмитрий Евгеньевич прислонился к стене и посмотрел на меня.

– Я приехал, потому что Катя волнуется. Я просто хочу поговорить с сыном.

– Катя? – как попугай, повторила я.

– Катя, – кивнул он. – Димина мать. – И он пальцами зачесал темные, с проседью, волосы наверх.

Высокий лоб говорит об уме? Пальцы длинные, подвижные. Порода – вот как это называется. То, чего во мне никогда не было. Я была дворняжкой, Митин отец – доберман, граф. Митька – сын, нажитый от служанки с кухни. Грех попутал, с кем не бывает. Породистый мужчина в дорогой рубашке и галстук заваривал чай в нашем чайнике с отбитым носиком, а в моей голове мелькали мысли – одна страннее другой. Нет, Митька тоже из доберманов, и с каждым годом, наверное, это будет проявляться все сильнее. Ему просто не хватает своеобразной холести. Его воспитывала служанка с кухни, а так они похожи. Боже, как же они похожи, если всмотреться!

– Я знаю, это странно звучит, но я и в самом деле не его девушка, – пробормотала я, словно оправдываясь за явную ложь, на которой меня поймали.

Дмитрий Евгеньевич кивнул.

– Я верю вам, София Олеговна.

– Зовите меня Соней, – покраснела я. – Я это так... ляпнула.

– А мне нравится. София Олеговна. Но, согласитесь, ваша с Димой жизнь тут выглядит более чем странно. Катя сказала, что вы уже почти два года как

живете вместе. Это так?

– Это... мы не живем вместе, – скривилась я, запутавшись в нашей странной, ненормальной, нетипичной правде, как в рыба в сети. – Мы живем в одной квартире, но не вместе. Просто живем.

– Просто живете, – повторил мужчина, и я сама услышала, как неправильно это звучит.

Он подошел ко мне и протянул мне чашку. Чай дымился и пах корицей и чем-то еще.

– Значит, вы учитесь?

– Да.

– И на кого, если не секрет? – Он говорил, а я почему-то пыталась вспомнить, чистила ли я сегодня зубы, хотя я всегда их чищу, но тут хоть убей, не могла вспомнить.

– На экономиста, – ответила я, а затем, снова без особенного осознания, следуя непреодолимому желанию, спросила, чем занимается он.

Дмитрий Евгеньевич склонил голову и посмотрел мне прямо в глаза. Он даже не делал вид, что собирается быть любезным. По моей спине побежали мурашки. Что-то было не так.

– А зачем вы с ним «просто живете», София? Вам что, больше жить негде?

– Я вообще-то деньги плачу! – растерялась я.

Дмитрий Евгеньевич замолчал, словно обдумывал следующий ход. Пошел нейтрально, не атакуя.

– Деньги? За что?

– За квартиру, – обиженно добавила я. – Я вам все сказала как есть. И это правда. Мы оба учимся, и нам так удобно.

– Так это что, коммерческое такое решение? Вы живете с моим сыном из экономии? – Он приподнял бровь, такого поворота он, кажется, совсем не ожидал.

Я кивнула, и тогда он отвернулся от меня, посмотрел в окно, расчесал – совсем, как Митя – волосы руками, потер глаза. Затем обернулся, словно решил какую-то сложную задачу.

– Я всего лишь хочу, чтобы мой сын был счастлив и моя бывшая жена не переживала. Я за него беспокоюсь. Он – непростой мальчик, очень непростой. Да вы, должно быть, и сами знаете его достаточно.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Он вспыльчивый, но это у нас, наверное, семейное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-vedenskaya/moya-navsegda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)